

Ксения Демиденко

**ПРАКТИЧЕСКАЯ
ПЕДАГОГИКА**

Ксения Демиденко

**Практическая педагогика. Роман
о школе, любви и не только...**

«Издательские решения»

Демиденко К.

Практическая педагогика. Роман о школе, любви и не только... /
К. Демиденко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830584-9

Порочна ли любовь между молодой учительницей и ее воспитанником-старшеклассником? Главная героиня София Константиновна Соломина считала, что это грех, который ее не коснется никогда. Закончив институт и освоив все правила педагогики на отлично, красивая инициативная Соня в «подарок» от администрации школы получила классное руководство в самом трудном классе школы. Их двадцать двое, а она одна. Справится ли? И что для этого нужно?

ISBN 978-5-44-830584-9

© Демиденко К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1 Классный руководитель	8
Глава 2 Жанна Григорьевна	16
Глава 3 Директор	22
Глава 4 Отличники	26
Глава 5 Денис Агеев	31
Глава 6 Березкая Анастасия	35
Глава 7 Загорская Наташа	39
Глава 8 Сашка Вигура	42
Глава 9 Родительское собрание	47
Глава 10 Покой мне только снится	51
Глава 11	56
Глава 12	64
Глава 13	68
Глава 14 Елена Прекрасная	72
Глава 15 Юра Гагарин	79
Глава 16 Дима Скворцов	82
Глава 17 Творчество на заборе	84
Глава 18 Педсовет	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Практическая педагогика
Роман о школе, любви и не только...
Ксения Демиденко

© Ксения Демиденко, 2016

ISBN 978-5-4483-0584-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Канадские психологи доказали прямую связь
между детскими играми и будущими профессиями
этих детей...*
(из научной статьи)

Я стояла возле киоска «Союзпечать» уже десять минут и не сводила глаз с игрушки, которая многим людям точно показалась бы странной. Именно она заставила меня прийти сюда, в другой конец города. Но я пришла не вовремя – было начало второго часа. Только что начался обеденный перерыв, поэтому продавщица закрыла киоск и отправилась домой обедать.

Другая бы девочка развернулась и пошла домой. Только не я. У меня был целый час, чтобы отдохнуть с дороги (пришлось быстро идти почти тридцать минут) и налюбоваться деревянными парточками. Именно парточками, поскольку игрушка была маленькими школьными парточками, сделанными из дерева и покрашенными зеленой краской. Эта игрушка называлась «Школьный набор». По крайней мере, так было написано на ценнике.

Пять парточек были упакованы в целлофановый кулек, небрежно брошенный на витрину киоска. Справа на витрине были аккуратно выложены газеты и журналы, а слева – как попало лежали разные канцелярские принадлежности и пару игрушек. Парточки не вписывались в общую картину пупсиков и погремушек. Но это меня мало волновало. Главное – они были, и я их видела. Представляла, как посажу за эти макеты школьных парт своих маленьких кукол и буду играть в увлекательную игру «школа».

Я и до этого играла в «Школу», но мои куклы сидели за обыкновенными книгами, которые выполняли роль парт. Сделанные маленькие тетрадошки лежали перед каждым таким «учеником» – игрушкой, а рядом обязательный атрибут – карандашик длиной всего 3 сантиметра. Специально обрезаю карандаши, чтобы они были маленькими и соответствовали таким же небольшим ученикам. Я любила играть в школу, учить кукол и зверей – их в моей коллекции было много. Родственники щедро одаривали меня всевозможными куклами и мягкими игрушками.

Идеально созданный фантазией мир в один прекрасный день дал трещину. А все потому, что как-то возвращаясь из библиотеки, я заметила в киоске набор из пяти зеленых парточек. Это же целый класс, где будут настоящие парты! Тогда они казались мне недостижимыми, потому что ценник убивал мою хрустальную мечту своей наведенной жирным розовым фломастером ценой – 15 рублей. Моя мама для сравнения получала тогда 120 рублей. И я даже заикнуться боялась о такой сумме на игрушку. Понимая нереальность осуществления желаемого, я все же мечтала. И каждый раз, шагая с взятыми в библиотеке новыми книгами, я заворачивала к киоску и любовалась желанной игрушкой, лежавшей на витрине. Каждый раз, подходя к стеклу, я боялась, что уже не увижу парточек, потому что их купил кто-то другой. Видимо, не только мне они казались дорогими, потому что время шло, а их не покупали... слава Богу, что не покупали!

Теперь у меня в кармане лежали эти заветные 15 рублей – подарок бабушки на день рождения. Она мне протянула эти деньги и сказала:

– купишь, Сонечка, что хочешь!

Бабушка подарила не десять и не двадцать, а именно столько, сколько необходимо было для покупки парточек – 15 рублей. До этого бабушка покупала подарки сама и никогда не дарила деньгами. А тут такие инвестиции в мою мечту. Можно было купить все, что я хотела. А что я хотела? Все последние три месяца я хотела только пять зеленых парточек. Большая паранойя увлеченного ребенка.

Я дождалась продавщицу, купила «Школьный набор», в котором, кроме парточек, еще оказались доска со счетами (ранее не замеченные мной). Счастливая от такого приобретения, я мчалась домой, сгорая от нетерпения освободить парточки от грязноватого кулька.

Дома расставила этот клад и долго игралась в школу. Наверное, никогда я не была так счастлива, чем тогда. Приятно, когда мечты сбываются. Особенно если тебе только десять лет.

Глава 1 Классный руководитель

*Я уже ничего не ждала,
Начала привыкать к одиночеству.
Намекнули, грустя, зеркала:
Представляйся по имени отчеству!*
(Лариса Рубальская)

Мне было всего двадцать три года, когда я стала учителем, классным руководителем десятого «Б» и воспитателем молодого поколения. Хотя, прокручивая события того времени, не раз задавалась вопросом: «Кто кого воспитывал?»

На классический вопрос моей мамы: «Как я докатилась до такого?», не могла тогда дать четкого ответа. Теперь могу: просто хотела самостоятельности и независимости от родителей, настоящей взрослой жизни и классической профессии для женщины – учитель. Мама считала, что в семье я одна такая непрактичная. Все мои родственники, аж до седьмого колена, имели профессии денежные и престижные: папа — директор, мама — инспектор, брат – коммерсант, его жена бухгалтер. Понятие «нехватка денег» никому не было известно. Да, не все были в восторге от того, чем занимались, но культ практичности всегда поощрялся в нашей семье из поколения в поколение. Я же, как белая ворона, решила стать учителем литературы. Считала, что к этому у меня есть все предпосылки.

Начиная с девяти лет, читала все, что книгой звалось и попадало в мои руки. Если книга оказывалась очень интересной, то я могла читать ее всю ночь, прячась от родителей, считавших чтение пустой тратой времени. Когда я попадала в плен сюжета – время надо мной было не властно. Моим любимым учителем в школе была Елена Петровна, женщина утонченная и воспитанная. Я очень хотела быть хотя бы немного на нее похожей. На уроках я сидела не как обычный ученик, а больше, как наблюдатель. Смотрела, изучала, анализировала методы проведения уроков разных учителей. Интересные приемы «метров» школьного образования (в моей школе их было много) где-то собирала в уголке сознания, накапливая на будущее. А еще училась, как не нужно делать у менее именитых «антиметров». Таких было, к моему счастью, немного, но все же и такие были. Профессия учителя не была для меня тайной. Но, рисуя картинку своего учительствования, я всегда представляла, что вхожу в класс с маленькими детками, но никак не пятнадцатилетними юношами и девушками с ростом побольше моего. Мой рост – это отдельный разговор. Метр шестьдесят пять для старших классов – маловато будет.

Все началось с моего визита в такую удивительную организацию, как Районный отдел народного образования. В народе – РОНО. Заведующая была занята (об этом мне сообщила молоденькая секретарша), поэтому я от нечего делать слонялась возле дверей битые полчаса, изучая стенды и узоры на стенах. Как вдруг в приемную просто ворвалась гиперэнергичная женщина. Она заговорила с секретаршей Лизой как давняя приятельница и спросила, можно ли зайти к заведующей? Лиза жестами и мимикой предупредила, что лучше не нужно – мол, очень занята.

– О, а это кто здесь? – переключилась энергичная женщина на меня. Она панически не выносила спокойствия. Просто сесть для нее на стул значило умереть.

– Девушка желает работать учительницей, – за меня ответила секретарша Лиза, одновременно что-то печатая на компьютере и листая записную книжку.

– Учителем? Так-так, – обрадовалась энергичная женщина и за пять минут рассказала мне и о школе, в которой она завучем работает, и о том, что у них год уже нет учителя химии.

– Я по образованию лингвист, – умудрилась я вставить слово в тот поток, который бесконечным поездом вылетал изо рта женщины.

– А-а-а!!! Учителей литературы у нас аж три. Это не есть дефицит. Вот если бы вы... – и понеслась душа в рай. Я очень обрадовалась, когда дверь в кабинет заведующей открылась и последняя, сердитая и вся в хлопотах, выглянула, чтобы сообщить секретарше, что сегодня ее нет ни для кого. Ух-ты, а я?

– Марина Сергеевна, а как-же наш вопрос? – поспешила поинтересоваться энергичная женщина.

– Я вам завтра позвоню, – ответила заведующая. Я даже не рискнула спросить что-либо. Дверь клацнула и я, стесняясь своего положения сплошной ненадобности, пошла к двери на выход. И сразу же услышала вдогонку знакомый голос:

– Пойдите, девушка. Я вам помогу, – энергичная женщина (ее звали Лариса Львовна) схватила телефон, который стоял рядом с компьютером секретарши, и начала звонить в школы района. Откровенно говоря, я очень удивилась, поскольку она обзвонила пять школ, при этом телефоны знала наизусть. Везде, видимо, ей говорили, что не нуждаются в учителях литературы. И вот, наконец, я услышала:

– Значит пусть приезжает? Прекрасенько, Елена Дмитриевна. Вы случаем не знаете, где можно отыскать учителя химии? Да все та же проблема. Спросите, любушка, спросите. Если что – звоните. За мной не заржавеет. Ладненько. Завтра на совещании встретимся.

Вот так меня отправили в школу №... Не важно, в какую, типичную киевскую школу, в которой нашлась вакансия учителя русского языка и литературы. От квартиры, которую я снимала, к школе можно было подъехать на автобусе две остановки, но можно было и пройтись – в зависимости от настроения и погоды.

В 10-Б, как на зло, к началу учебного года не было классного руководителя. Директор не сказал истинной причины отсутствия классного руководителя, а завуч Елена Дмитриевна только расхваливала, какие прекрасные спортсмены Заяц Андрюша и Кондратюк Славик, и не преминула вспомнить о том, что в классе есть три отличника, которые тянут на серебряную медаль.

– Они взрослые. С ними меньше возни, чем с пятиклашками. Берите, не пожалеете, – поддакивал директор школы Петр Иванович в унисон завучу Елене Дмитриевне. – И зарплата будет больше, и к отпуску три дня лишних будете иметь, – аргументы, честно сказать, убийственные. Точно знали, на что давить.

И я, наивная, согласилась. Если бы я тогда знала, какой хомут повесила себе на шею... Приключений мне, дуре зеленой, было мало. Но, как говорят, после боя можно только вениками побросаться для успокоения нервов.

Как я не боялась, но в класс идти пришлось. Директор, подтянутый мужчина в годах Петр Иванович Тигров (дети его всегда за глаза называли почему-то Тигриком) завел меня демонстративно в кабинет литературы и представил как ценного молодого специалиста, который горит желанием наполнить головы молодого поколения знаниями, а не тем хламом, который сейчас в вышеуказанных головах находился.

– Прошу любить и жаловать, Соломина София Константиновна, ваш учитель языка и литературы, а также классный руководитель, – отрекомендовал директор и ушел, а меня, как жертву на языческом заклинании, оставил в классе, где 22 пары глаз изучающе меня рассматривали, как бабочку орнитолог перед выдергиванием крылышек. Детки готовились «любить и жаловать».

– Нам придется с вами проучиться эти два непростых года в стенах школы, поэтому давайте познакомимся. Меня вам представили, но позволю повториться – Соломина София Константиновна. Буду читать ваши имена и фамилии, а вы будете подыматься. Хорошо? – решила, что такой способ самый подходящий, но заметила, что журнала нет. И тут вспомнила, как завуч предупреждала, что в первые дни журналов не будет. Данный школьный документ появится позже и его оформление – отдельный разговор.

– Ну, давай, читай! – нагло выкрикнул курчавый юноша, беспардонно развалившийся за первой партой. Это был (как я потом узнала) Заяц Андрей, спортсмен и та гордость класса и школы, о которой так распинались директор с завучем.

– Чтобы читать, нужно сначала написать. В институте что, не учили? – прозвучал мальчишечий голос, теперь уж с последних парт. Девчонки захихикали, парни откровенно заржали, заценив юмор.

– Действительно, вы правы, журнала пока нет. Поэтому вы будете вставать по очереди и представляться. А я буду записывать на листик ваши имена и фамилии, – мне такая идея нравилась. Но оказалось, что нравилась она только мне одной. Все опять смеялись. Я густо покраснела.

– А что смешного? Неужели так сложно представиться? Вот тебя, к примеру, как зовут? – спросила черненького вертлявого парнишку, сидящего за второй партой. «Сидящего», правда, это громко сказано. Создавалось впечатление, что ему что-то настойчиво мешает. Вроде как шило в одном общеизвестном месте.

– Юра Гагарин, – улыбаясь на весь белоснежный ряд зубов, ответил юноша – и в классе опять поднялся хохот. Я поняла, что надо мной издеваются (а мальчишку действительно так звали – Юра Гагарин, но это я узнала потом).

– Хорошо, оставим знакомство на потом. Начнем урок. Открываем тетради и записываем «3 сентября» и тему урока, – я заглянула в свой конспект, – «Литература – источник человеческого культурного наследия», – вывела красивым ровным почерком на доске. Но никто в классе и не собирался записывать тему в тетради. Я даже тетради не у всех на парте увидела. Ничего, проглотила и это, пытаюсь сохранять равновесие и спокойствие, но внутри меня уже начинал бурлить вулкан. Пока очень маленький, и я его всеми возможными способами давила, не позволяя не только лаве вырваться наружу, но даже газам показать, что активность запу-

щена. Гнев и агрессия – это признак слабости и несдержанности. Согласно методике преподавания литературы, необходимо было акцентировать знания учеников:

– Давайте вспомним выдающихся деятелей литературы, которых вы изучали в девятом классе, – с артистизмом выговорила и обратила свой взор на класс, а там – тишина. Такое впечатление, что никаких деятелей никто не изучал и не собирался. А «дети» даже не прятали глаз от незнания – они нагло смотрели прямо мне в глаза и улыбались одними только взглядами. На лицах некоторых были саркастические ухмылки. И что там в таком случае предлагает педагогика? Да ничего!!! Педагогика как наука в институте такая далекая от практики в школе, что спасайте меня все, кто может. И то, что я за все пять курсов сдавала педагогику на «отлично» – не значит, что я ее знала. То есть, теоретически я ее знала, а вот с практической педагогикой – слабо. Практику я проходила в своем родном городке, обучая маленьких пятиклашек, когда в классе сидела моя учительница и выполняла роль надзирателя за проявлениями малейшего непослушания. Преподаватели всегда делали акцент на том, что если учитель досконально знает свой предмет, – это обязательно залог успешного урока. Оказалось, – нет, этого не достаточно. И вот она та ситуация, когда как назовешь корабль, так он и поплывет. И я понимала, что как поставлю все – так и будет.

Какие варианты действий? Можно побежать и пожаловаться директору, завучу, можно биться в истерику, с пеной у рта доказывать, что я дипломированный специалист, а они, те, что сидят за партами, пока что – никто. А толку? Этим можно лишь рассмешить нынешних учеников. Поэтому, оценив данную ситуацию, я решила действовать нестандартно. Мне так тогда показалось. Вспомнила, как с первого курса начала собирать красивые поэзии, которые вычитывала в литературных журналах. Я начала тихо декламировать свою самую любимую:

А хочешь, я тебе открою тайну?
Один такой малюсенький секрет?
Знай, люди не встречаются случайно,
Случайностей, поверь мне, в жизни нет.
Не веришь? Ну, тогда, хотя б послушай,
Не бойся, я тебя не обману,
Представь себе, что существуют души,
Настроенные на одну струну.
Как звёзды в бесконечности Вселенной,
Они блуждают сотнями дорог,
Чтоб встретиться когда-то... непременно...
Но лишь тогда, когда захочет Бог.
Для них нет норм в привычном пониманье,
Они – свободны, как паренье птиц,
Для них не существует расстояний,
Условностей, запретов и границ...

Я вычитала это стихотворение в каком – то журнале, и оно настолько мне понравилось, что врезалось в память.

Постепенно в классе воцарилась тишина. И о, чудо! Все слушали. Когда я дочитала поэзию, с последней парты прозвучали аплодисменты, сопровождающиеся комментарием:

– Молоток! Такого стишка выучила. А кто его написал, знаешь?

– Знаете, поправила я. – Возможно, я не намного вас старше, но этикет требует, чтобы вы обращались к учителю на «вы». Раньше в семьях к старшим и к родителям обращались только на «ты», – позволила себе нравоучение. Но опять услышала гогот.

– Прикинь, я своей матушке «вы», а она в отключке сразу же. Нафига мне труп маман на кухне? – публично поерничал рыжий веснушчатый здоровила.

– Тебя как зовут? – решила знакомиться в процессе урока.

– Димон Калашников. Я, как автомат, усекла?

– Кажется, усекла. Так вот, Димон, мама заслужила каждодневной работой, чтобы к ней уважительно обращались. Автора этой поэзии я, к сожалению, не запомнила. Но к следующему уроку я это упущение ликвидирую, – перевела я тему в нужное направление.

– А забацайте еще какой—нибудь стишок, красивый, – смело предложил Гоша Задорожный, толстячок в очках.

– Красивые стишки называются поэзиями, молодой человек. Пожалуйста, стихотворение Бориса Садовского «Умной женщине»

Не говори мне о Шекспире,
Я верю: у тебя талант,
И ты на умственном турнире
Искуснее самой Жорж Занд.

Но красотой родной и новой
Передо мной ты расцвела,
Когда остались мы в столовой
Вдвоем у чайного стола.

И в первый раз за самоваром
Тебя узнал и понял я.
Как в чайник длительным ударом
Звенела и лилась струя!

С какою лаской бестревожной
Ты поворачивала кран,
С какой улыбкой осторожной
Передавала мне стакан!

От нежных плеч, от милой шеи
Дышало счастьем и теплом:
Над ними ангел, тихо рея,
Влюбленным трепетал крылом.

О, если б, покорившись чарам,
Забыв о книгах невзначай,
Ты здесь, за этим самоваром,

Мне вечно наливала чай!

Как только я дочитала стихотворение, взметнулась рука в классе, и сразу же прозвучал вопрос:

– А кто такая Жорж Занд? – спрашивала красивая белокурая девчонка. Чувствовалось, что ее это реально интересует.

– Оба! Ленка просекает, что за краля и не она, – это комментарии с последних парт.

– Заткнись, Маркин. Это тебе все пофиг. А мне интересно. Вроде ж Жорж – мужское имя, – объяснила свой интерес девушка.

– Жорж Санд – это псевдоним прекрасной французской писательницы Амандины Авроры Люсиль Дюпен, – уж о своей любимой писательнице я знала много.

– Вот это имечко! – опять комментарии с задних парт. – А баба мужиком обозвалась! Га-га!

– Она вынуждена была взять такой псевдоним, мужской, потому что в 19 веке писателей—женщин не воспринимали серьезно. Издатели настояли, чтобы Аврора подписывалась именно псевдонимом, – объясняла дальше. Честно говоря, я бы этим взрослым деткам рассказала всю биографию Жорж Санд, но они желали слушать «клевые стишки». Пришлось развлекать поэзией.

Как хорошо, что урок продолжается всего 45 минут, а то бы всех моих знаний наизусть не хватило бы. Тему не раскрыли, зато на уроке я капитально привила любовь (все же интерес) к литературе. По крайней мере, попробовала.

Как только прозвенел звонок, всех учеников словно ветром сдуло.

Задержалась лишь сероглазая блондинка. Она интеллигентно положила на стол список учеников 10-Б и сочувственно окинула меня своим гордым взглядом:

– Я там отметила, кого не было. Лена Новикова, староста класса. Вы не смотрите, что все такие. Лето, выпендриваются. Потом утрясется.

Как же, утрясется. К сожалению, институтская программа не предусматривает обучение поведению с экстремальными классами и сложными подростками. Поэтому данную науку мне пришлось грызть самостоятельно. Правда, завуч рекомендовала брать пример с Жанны Григорьевны, классного руководителя 10-А класса.

Сначала я не поняла, в чем юмор. Жанна Григорьевна – женщина за сорок, почти никогда не улыбалась и все время смотрела сквозь большие очки, делающие ее похожей на большую стрекозу. У меня небольшой рост, но Жанна Григорьевна, наверное, вообще метр пятьдесят. Одевалась она всегда солидно и обязательно повязывала на шею какой-то яркий шарфик. Ее девиз: «Сначала дисциплина!» Откровенно говоря, я долго присматривалась к такому экземпляру авторитарного учителя. Меня морозило только от того, как она смотрела.

Проводила урок в ее выдрессированном 10-А (не чета моему), и вдруг дети, как по команде, подпрыгнули с мест и стали возле парт по стойке смирно. И только потом в дверях появилась Жанна Григорьевна. Она, не обращая внимания на меня, прошла по классу и оставила пару комментариев:

– Тютин, если завтра не подстрижешься – обрею под ноль. Сама, лично. Лифанова, школа – не дискотека. Эту розовую кофточку я должна увидеть сегодня последний раз. Отыщи среди пестрого барахла дома свою школьную форму. На линейке первого сентября она еще была на тебе. Валуева, сними серьги! Мальчики сели. Девочки руки на стол.

Девочки синхронно выложили руки на стол ладонями книзу. Это, оказывается, был осмотр ногтей. Ногтями «классная мама» осталась довольна. Дальше должна была произойти проверка дневников:

– Поднялись, у кого нет дневника? – рявкнула Жанна Григорьевна. Проникшись общим настроением виновности, я чуть сама не начала искать дневник.

Поднялось двое мальчишек, у которых на лице было написано «Обречен!»

– Что для ученика дневник? – спросила сурово Жанна Григорьевна у тех, что проштрафились.

– Лицо и первый документ ученика! – четко в унисон ответили забудьки.

– Звоню родителям, пусть несут, если вы растяпы. И запомнили 10-А – уроки давно начались. И я слежу за каждым вашим шагом. Так, все, урок пошел. А я зайду на последнем, – и она грозно обвела всех присутствующих в классе, включая и меня. Я почувствовала холод на спине, словно тоже была школьницей в этот момент. Жанна Григорьевна вышла, дети вздохнули с облегчением, и я тоже.

Долго я не могла понять, почему ее боятся 26 учеников. А за глаза называют «Жаба Григорьевна». И все равно боятся. И мой класс тоже боялся (Жанна Григорьевна вела у них географию), хотя и пытались регулярно делать различные гадости. Они всем гадили, для этого им выдумки хватало.

Через недельку работы в школе я узнала, почему в 10-Б не было классного руководителя. Земля слухами полнится, а школа – это ж Клондайк для качественного непрерывного сплетничества! Последний классный руководитель 10-Б (тогда еще 9-Б) уволилась по собственному желанию, когда ее довели и женщина побила тряпкой ученика.

– Они ей такое творили, Боже упаси, – как-то рассказала мне Танечка Журавлева, учительница литературы в 5 и 6 классах. Мы сидели с ней в подсобке и проверяли тетради. Она мне зачитывала «перлы» из сочинений детей. Потом плавно разговор перешел на мой класс.

– Тяжелые дети, но это и не удивительно, – она, как заговорщик, говорила очень тихо. – Почти все из неблагополучных семей. Маркина Ромку в 8 классе ставили на учет в комнату милиции. Он украл деньги у завуча. Вот так! У них было с десяток классных руководителей. И все в конце концов увольнялись. Я не могу понять, зачем директор их вам подсунул? Молодая девушка – и этот ужас. Читали бы себе литературу и не брали такой хомут на шею. У вас же часов выходит прилично – от седьмых по одиннадцатые? – удивленно спросила Танечка.

– Да, 24 часа. Но неужели они настолько безнадежны? – попробовала защитить вверенных мне детей.

– Изучите внимательно личные дела – и все поймете. И пообщайтесь с учителями, которые у них преподают. Только завуча не слушайте. Она у нас очень непростой человек. Сама у них преподавала, а как только завучем стала – быстренько спихнула другим. У нее там конфликт с Новиковой был. Беленькая такая. Школьная красавица. В восьмом классе еще одна

такая подрастает Катька Зотова. Шмакадявка еще та, а старшекласники ее уже по углам тискают.

– А кто из учителей у моих преподает дольше всех? – поинтересовалась.

– Жанна Григорьевна. Только ее и слушают. Директор ей хотел класс этот отдать, но она взяла 10-А. Там сын ее учится.

Глава 2 Жанна Григорьевна

Школу «молодого бойца» я проходила стойко почти две недели. Чего только не вытворяли деточки, проверяя меня на профпригодность. Понимая, что я не знаю их пока в лицо, менялись фамилиями. Вызывала одного – отвечать шел другой. В 9-Б вообще учились братья – близнецы, которых различить только мама и способна была. Там я даже очень и не переживала – кто хочет, тот пусть и отвечает. Нельзя было показывать, что я этим очень обеспокоена, так быстрее успокоятся.

Как прилежный учитель, прихожу в 9 —А класс, готовлю доску к уроку, пишу число, классная работа, тема « Роман А. С. Грибоедова «Горе от ума», прикрепляю магнитами портрет писателя Грибоедова Александра Сергеевича. Согласна, портрет не очень удачный, но за спиной слышу:

– Ну и рожа, блин!

– На свою не пробовал смотреть, – не очень педагогично, но сказала, что уж, вырвалось. Поворачиваюсь к умнику и млею – передо мной чернокожий парнишка.

– Извини, – понимаю, что могут со школы выгнать за расизм.

– Проехали, сам нарвался. Что за чувак? – на чистом русском спрашивает паренек.

– Написано, – еле выговариваю. Читает, кивает, проходит к своему месту и готовится к уроку. Позже узнаю от учителей, что мама Тараса (еще ж и назвали) так погуляла на курорте. Кликуха Тараса – Шоколадка. Парень привык, давно уже перестал обижаться за такие наезды.

Юные механики из 8-В класса записали на диктофон звонок и стук в дверь. Включали они такие «мелодии», когда им припечет или когда урок надоедал.

Как-то захожу в 7-А, а там весь класс стоит, а стулья, словно корова языком слизала. Учительского тоже нет. Равноправие! Детки думали, что я буду нервничать, стулья искать, волосы на голове себе рвать. Вместо этого я включила первую степень пофигизма и проводила урок стоя. Но и детки тоже стояли.

– Можно, мы за стульчиками сходим, – услышала через пятнадцать минут после начала урока. Как быстро ножки заболели.

– Зачем? И так хорошо, – только и ответила.

– А как мы писать будем? – заволновались.

– А разве вы пишете что-то? Не замечала, – парирую, в душе ликуя. С чем боролись, на то и напоролись.

– А биография Крылова? Как запишем? – еще пару писак выискалось.

– Дома все конспекты напишете. И басню «Волк и Ягненок» наизусть выучить необходимо будет. А сейчас послушайте басню «Мартышка и очки». Очень актуальное произведе-

ние, – детки поняли, что имел в виду великий русский баснописец. Сидя не поняли бы, а стоя – дошло по назначению.

Старшие развлекались интересней. 11-А намазюкался зеленкой и канючил, что у них ветрянки, должны (да что там, обязаны) отправить на карантин. Вызвали врача, пока проверили – три урока коту под хвост, в том числе и мой. Не, ну я тоже была ученицей, и мы тоже шутили, но только 1 апреля и то как-то пристойными дозами, и не так, чтобы до инфаркта. Здесь никто не ждал 1 апреля. У меня сложилось впечатление, что в этой школе что не день, то Праздник дураков. Уже 8 сентября на дверях кабинета директора висела табличка «Не влезай, убьет!», а на полу – разлитый родонит железа (кинематографическая кровь, кто не в курсе: я тоже до этого не знала). Над доской с отличниками – «Их розыскивает милиция». Постарались младшенькие, потому что куча ошибок и каракули маркером выведены. Внизу на доске объявлений фото директора с завучами и подпись «Особено опасные приступники». Есть директору работа на недельку – искать «юмористов». Он дядька настойчивый, времени не пожалел, долго искал – и таки нашел. С юмором у директора тоже все хорошо: сфотографировал шкодников и развесил их фотки по всей школе с подписью « А этих умников уже нашли!».

К своим захожу – тихо стоят, улыбаются. Шестым чувством чую: что-то сейчас будет. Только сказала: « Доброе утро!», как загорланит тяжелый рок из магнитофона. Как не шлепнулась – не знаю.

Самая нестандартная ситуация случилась с 11-Б классом. Захожу еще на перемене, а на доске чем – то белым нарисован орган (вы правильно поняли, какой орган профессионально учатся рисовать в школе). Пробую смыть – не выходит. А мне нужно тему написать. Пишу, как есть. Выходит «Антон Павлович Чехов -...» и рядом орган. Смеялись и дети, и я. Потом кто-то из девочек догадался смыть этот «шедевр» жидкостью для снятия лака.

Потихоньку я входила в коллектив, хотя на меня смотрели, как на белую ворону. И все время ждали, что я исчезну, поскольку до меня так растворилось в небытие, не проработав и полугодом, аж трое учителей. И главной пугалкой был 10-Б класс.

Мне все норовили рассказать побольше сплетен, причем варианты у всех были свои. Единственной учительницей, которая создавала впечатление очень сурового, но серьезного педагога, была Жанна Григорьевна. Но я ее сначала боялась. Как мне не хотелось, но после тяжелого вторника я решила подойти к Жанне Григорьевне и тихо, как школьница, спросить, не согласится ли она мне помочь дать характеристики детям 10-Б класса. Не предвидела, что она так быстро согласится:

– Берите их личные дела, через 20 минут я вас жду у себя в подсобке. Второй этаж возле актового зала, – ответила уставшим, но заинтересованным голосом.

Подсобка представляла собой образец « а ля бардак». По углам были расставлены большие плакаты, везде громоздились кучи книг. Дверцы шкафчиков почти не закрывались от обилия бумаги, которая торчала из всех щелей. Было такое ощущение, что все это добро вот – вот свалится на голову и создаст сплошную бумажную кучу, которая способна завалить и меня, и Жанну Григорьевну. Но, к моему великому удивлению, все это держалось, и, судя по всему, уже достаточно долго.

– Проходите, коллега. София Константиновна, если не ошибаюсь? Можно не при детях я вас буду называть Соней?

– Конечно, можно, – я осмотрелась. На небольшом столике стояла вазочка с печеньем, в кулечке рядом – конфеты, а в аккуратных чашках с цветочками налит чай. – Я извиняюсь, что отнимаю у вас время, – действительно было очень неудобно.

– Я не против, если кто-нибудь отнимет у меня это время. Проходите, садитесь. Попьем чай и поговорим. Нам есть о чем поговорить, – это был не тот холодно – мраморный тон, которым она одаривала всех учеников, это были теплые дружеские слова обыкновенной женщины.

Разговор с Жанной Григорьевной изменил мое отношение к этой женщине. Здесь, в этой подсобке, я почувствовала, что она одинокая. Она и сама рада была бы с кем –нибудь поговорить, только вот не с кем, поскольку лично создала вокруг себя такой барьер, что радости мало.

– Меня здесь все боятся, – призналась Жанна Григорьевна. – Я просто суровая и требовательная. Но ведь дисциплина – это основа. Неужели я не права?

– Конечно, правы. Но, как по мне, вы слишком суровы, – выпалила я и даже удивилась своей откровенности.

– Вы так считаете? А как сейчас учат в институте? Играть с детьми в демократию? Чтобы на голову взгромоздились? Они сейчас такие. Дал слабинку – имеешь мешок проблем.

– Нет. Просто относиться к ученикам как к личностям. На равных.

– Такого никогда нельзя допускать. Слышите? Учитель должен быть, как Бог. Он руководит. У него власть. И вы меня поймете. Ученики просто еще не успели вас достать до печенок, – констатировала факты Жанна Григорьевна.

– Вы о моем классе?

– О вашем. Сплошные изгои общества. Их собрали вместе, и это кубло змей портит репутацию школы. Хотя, что здесь портить – все и так испорчено.

– Почему?

– Такой контингент. Когда-то, лет пять назад, все было иначе. В классах обучалась часть детей из благополучных семей, а часть – из бандиковатых пьянчужек. Теперь остались только неблагополучные. Район у нас плохой. Преимущественно работяги из общежитий, пьянь и неполные семьи. Что там может произрастать?

– А нормальные, как вы говорите, где?

– Нормальные? Через два квартала от нас открыли гимназию. Два иностранных языка, бассейн, фитобар и охрана. Статус и возможности. Нормальные семьи детей туда отдали. А мы подбираем всех, кого не берут в гимназию. Вот и имеем успеваемость плохую, бандитизм и прогулы – это не все вавки. А ваш класс, Соня, лидер в этом направлении, – она обреченно отпила чай из кружки и откровенно посмотрела мне в глаза.

– А почему вы не отправили своего сына в гимназию? Сами не ушли туда работать? – задала совсем наглый вопрос.

– Зарплата учителя – не разгонишься. Олега я воспитываю сама, муж погиб пять лет назад. А в гимназии каждый месяц нужно платить, и плюс взносы на то да другое. Мне предлагали туда идти работать, но здесь проработала больше 20 лет, прикипела к каждой стеночке, кабинету, вот к этой подсобке. Мой вам совет, пока не поздно, пока не затянула эта трясина, бегите отсюда. Вам, такой молодой и хорошенькой, грех портить нервы на этих ничтожествах. Это очень тяжелая ноша. И неблагоприятная.

– А почему же сразу убежать? Вы мне обещали рассказать об этих детях, – схватилась я за спасательную ниточку.

– Хорошо. Читайте фамилии, а я буду рассказывать. Все, что знаю. А я много знаю. Я открыла первую желтую папку и прочла: «Агеев Денис Максимович».

– Дети его называют Боксер. Такое погоняло, – Жанна Григорьевна из-за очков посмотрела на меня, предугадала мой немой вопрос и объяснила, – Погоняло – это как кличка, прозвище. Второе имя, как у индейцев. По образцу Острый глаз, Быстрый леопард. Это индейцы так поэтично и экзотично, а главное удачно придумывали. Наши мыслят примитивно, поэтому и обзывают друг дружку Огурец, Пончик, Слонопотам, Козел, Боксер. Приблизительно так.

– Мальчик боксом занимается? – у меня ассоциации были именно такие: боксер – значит бокс.

– Кто? Агеев? Он и без бокса мастак морды квасить. Просто агрессивный парень. Лучше не трогать, спокойнее будет. В гневе страшен. И упаси Боже родителей вызывать в школу. Мать отец сразу же побьет. А потом сынок папочку будет мутузить. Нервные они, не трогайте.

Второй папкой было дело Алентовой Екатерины. Как только увидела это имя, выписанное красивым почерком на серой папке, сразу же вспомнила высокую девушку с зелеными глазами и длинной косой. Жанна Григорьевна за секунду развеяла этот светлый образ:

– Выросла такая каланча. Ленивая, гуляющая девка, все за парнями и за парнями. И мать ее в нашу школу ходила, такая же вертихвостка была. Как ей повезло жениха нормального найти и не разгуляться – ума не приложу. Ответственности от нее не дождетесь. Одни неприятности.

Я отложила папку Кати и взяла следующую папку Гаврилюк Елизаветы Станиславовны.

– Эта еще лучше. Разъелась, как свинья. В таком юном возрасте и столько жира. Как наденет штаны, то и смотреть гадко. Видели бы вы, как на физкультуре прыгает. Все ржут. Без валидола на это смотреть нельзя.

– Разве девочка виновата, что у нее такая фигура? – поспешила вмешаться. – Не всем же Бог дал модельную внешность.

– Там мама корова и девчонку раскормила. Сколько они там жрут, вам и не снилось. Семейка поросят. Теперь девочка выросла, хочет нравиться мальчикам, а куда с таким весом? Ее Пупсиком дразнят еще с третьего класса.

– Но ведь есть тренажеры, диеты, – мне так хотелось отыскать рецепт для Лизы, потому что, если честно, она мне показалась девочкой нежной и доброй, правда, немного зацикленной на кулинарии.

– Вот – вот, диеты. В прошлом году она как задиетилась, то еле в больнице откачали. Ослабленную привезли. Не ела ничего неделю.

– Постепенно худеть надо, а не резко, – заметила я, готовясь взять другое дело.

– О, Гоша Задорожный, – Жанна Григорьевна аж подскочила на стуле, – Этого так и зовут – Жид. Еврейский правильный хитрый ребенок. Пакость сделает – и убегает, а виноват кто-то другой.

– А что-то хорошее об этом мальчике вы можете сказать? – меня уже начинали напрягать комментарии, которые состояли только из негативных характеристик. Не могли дети быть все поголовно такими гадкими.

– Клоуна прекрасно на маскараде в 7 классе сыграл, – вспомнила Жанна Григорьевна.

– Вот видите, если подумать, то они имеют что-то хорошее, – обрадовалась я. По лицу педагога поняла, что не все так весело, как мне хотелось бы.

– Не спешите искать в них что-то хорошее. Вас ждет разочарование, – убеждала меня Жанна Григорьевна.

Калашников Дима, рыжий в веснушках веселый парень по характеристике Жанны Григорьевны оказался лентяем с большой буквы, дурносомехом и вором.

– А что он украл? – мне почему-то не верилось, что он мог красть. Среди учеников класса я заметила потенциальных воров, но не Дима.

– Тогда, правда, не доказали, что это он, но в 6 классе зарплату тогдашнего их классного руководителя Артема Игнатовича украл он. Я уверена.

– У них был классный руководитель мужчина? – удивилась я. В наше время мужчин в школе было так мало, можно сказать, что это было очень экзотично.

– Представьте себе. Сорок лет, прекрасный человек, удивительный семьянин. Он бывший военный, командовал ротой, а здесь эти архаровцы довели за 2 года его так, что уволился и уехал к родственникам в Карпаты. Они бы и самого Макаренка в инфарктное состояние вогнали, – она так посмотрела на меня, словно хотела сказать, что я ни за что не справлюсь с этим классом, если такой дядька потерпел поражение.

– Хорошо, а что вы можете сказать о... Кондратюке Славике? – почему —то с этим именем у меня не было никаких ассоциаций.

– Это стандартный спортсмен. Сейчас у него сборы, раньше конца сентября не ожидайте. Парень неплохой: высокий, плечистый, но тупой, как пень. Имеет успехи только в спорте. Он пловец. Все другое у него далеко на заднем плане.

– Хорошо, – я переложила папку Кондратюка Славика и взяла следующую. Тут уж я прыснула смехом, потому что это была папка Маркина Ромы. Если о предыдущих учениках Жанна Григорьевна так много говорила плохого, то об этом... даже боялась услышать ее комментарии.

– Этот точно станет бандюком, – почти шепотом проговорила коллега, словно это были крамольные мысли.

– Откуда такие прогнозы? – вырвалось у меня.

– Отец его отсидел, сейчас брат сидит. Мать только успевает передачи собирать. Там такая среда, никак ему не вылезть, хотя мальчишка сообразительный. Когда учился в 8 классе, стоял на учете в комнате милиции. Мать у него пьет. Три года назад родила двух девочек – близняшек. Мало ей двух сыновей, так еще... Там такая бедность. Вы увидите по одежде Ромы. Правда, он ворует, поэтому иногда шмотки попадаютса ничего. А допроситься тетрадь сдать или деньги на что-то – никогда.

– Понятно, – я переложила другую папку и прочла, – Малая Дарья.

– Страшная сплетница. Они с Николайчук Ларисой всегда вместе. И не пробуйте рассказывать – все равно будут сидеть вместе. Мы с Тamarой ходим парой. Две подружки – не разлей вода. Собирают сплетни по школе, иногда придумывают. Если нужно что-то узнать – это к ним. Всегда в курсе последних событий. Подхалимствуют. Умеют расспросить, выведать, а потом против вас же все и обернут. Ничего не рассказывайте этим двоим. Ничего! Меньше знают – вы лучше спать будете, Сонечка.

– Хорошо, не буду. А о Стародубцевой я и так знаю, – это была неприятная девица, ругающаяся (создавалось впечатление, что говорящая) матом. Ее грубый голос гармонично сочетался с неприятной внешностью. Уже на второй день моего учительствования мы с Галей поругались, когда я поставила ей тройку, а она меня «вежливо» послала полоть помидоры.

– Не сезон, Галя, – намекнула я, что в сентябре помидоры не полют, их уже собирают.

Галя стояла и переваривала информацию. Ее мозг готовился к извержению. Что она думала, для меня осталось тайной, но я поспешила уйти подальше от греха и новых, более ярких посылов.

Жанна Григорьевна взяла следующее дело, но я почувствовала, что уже перебор, могу закипеть, как тот чайник, поэтому попросила тайм – аут, поблагодарила за помощь и отнесла все папки в приемную, сложив их аккуратно в сейфе. Папки – это стопы желтой бумаги, запыленной временем, а я должна была работать с живыми людьми. Естественно, что необходимо было время, чтобы изучить всех детей, непростых учеников 10-Б класса. А еще мой отец всегда меня учил слушать других, но личное впечатление составлять самостоятельно, исходя из того, что видят мои глаза и чувствует сердце.

Глава 3 Директор

Как там, в народе, говорят – театр начинается с вешалки? Так и любая школа начинается с директора. И вот тут школе реально повезло. Тигров Петр Иванович был действительно фанатом своего дела. При первом взгляде на него сразу в глаза бросались две детали внешности. Первая – это глаза. Они были вроде бы и небольшие, но он все время держал их широко раскрытыми, словно удивлялся. Хотя чему здесь удивляться, проработав, как он, 20 лет в школе? Он ведь не сразу стал директором. Сначала намотал учительского стажа лет пятнадцать, затем завучем поработал годиков пять, и только тогда уселся в, казалось бы, спокойное директорское кресло. Ан, нет, не таким оно спокойным оказалось. Спокойствие, видать, только на том свете бывает. А Петр Иванович продолжал удивляться сожженным журналам на заднем дворе, кражам, игре в футбол новым глобусом, разрисованным неприличностями туалетами... Это глобально, а мелкие пакости и драки с обидами и дразгами в самом педколлективе – отдельная статья удивлений.

Второе, что бросалось в глаза, когда бросить беглый взгляд на директора, – усы. Усы у Петра Ивановича были очень колоритным украшением. По длине и пышности эти усы могли соревноваться со знаменитыми усами самого Буденного. Среди учеников даже ходила байка, что у Петра Ивановича заячья губа, и он скрывает этот недостаток с помощью усов. Я просто не могла уверовать, что даже при разговоре такие усы не мешают.

Почти весь женский состав педколлектива был очарован директором. А если учесть, что он был вдовцом... Здесь карты сами легли в руки, и причем правильно. Особенно была заметна симпатия в сторону директора сорокалетней шатенки – завуча Елены Дмитриевны. Петр Иванович был высоким мужчиной, всегда аккуратно и элегантно одетым. Я бы сказала, что у него даже был своеобразный стиль. Но, кроме работы, его мало что волновало. И Елена Дмитриевна тоже интересовалась только в качестве хорошего педагога и компанейской коллеги, с которой приходилось решать общие проблемы школьного характера. Она к нему и так, и эдак, а он – о собраниях, заседаниях, педсоветах, нагрузках, семинарах и конкурсах.

На конкурсах директор был просто помешан. Он сам принимал участие и детей завлекал, как мог. Дети мне потом как-то рассказали, что директор принимал участие в какой-то передаче. Приезжал в студию не сам, а с учениками. А еще демонстрировал на всю страну экспонаты из школьного музея.

Петр Иванович прекрасно понимал, что район, в котором находилась вверенная ему школа, далеко не самый благополучный. И не всем детям, проживающим в данном районе, суждено стать великими математиками или писателями. Гениев – единицы, все другие – просто дети, с которыми тоже как-то нужно работать. И их нельзя отдавать улице с ее наркотиками, подростковой преступностью и другими гадкими болячками общества. Он, как никто, понимал, что детей нужно занять, чем – то задействовать. В конце концов, ученику – хулигану необходимо дать понять, что он талантлив в чем – то, может привлекать к себе внимание не только количеством выкуренных сигарет в день под ступенями или числом сорванных уроков, но и талантливыми выступлениями на сцене, местами на олимпиадах и конкурсах. Поэтому каждую неделю в актовом зале или вообще на территории школы что-нибудь проводилось: концерт, конкурс, соревнования, интеллектуальная викторина, КВН.

И надо сказать, что проводилось все это не просто так, для галочки, а содержательно! Весь учебный год был похож на большой конкурс. В сентябре все ученики разделялись на команды (один класс – одна команда) и весь год соревновались, участвуя в различных конкурсах и выступлениях. За качество и количество выступлений и выигранных конкурсов начислялись призовые баллы. Каждый год команды назывались то в честь разных стран, то в честь племен, которые жили на территории этих стран. В прошлом году мой, тогда еще 9-Б, представлял команду из Италии, в этом году они уже магнолии, название красивого цветка. Я даже заценила такое экзотическое название. Это намного лучше, чем 7-А «Крапива» или 6-В «Лопушок».

Концертов и конкурсов было очень много. Обычно, они были приурочены к какому-нибудь празднику. Обязательно праздновались начало и конец учебного года – первый и последний звонок. Причем, первого сентября все стояли на линейке с хмурыми лицами и большими букетами цветов, на последнем звонке – у всех улыбка расползлась до ушей, а букетики были и редкими, и маленькими. День рождения школы и день учителя проходили в виде небольшого концертка часика так на два. На День рождения школы (18 сентября) кроме концерта, обязательно проводилась так называемая «Сладкая ярмарка». Ее устраивали в школьной столовой. В этом году погода позволяла, поэтому столы накрыли на школьном дворе, под открытым небом.

Суть этой ярмарки состояла в том, что ученики (точнее будет сказать, их мамы и бабушки) пекли (чаще покупали, чтобы сильно не париться) сладости, а потом продавали их другим ученикам и учителям во время перемен. Когда я увидела, сколько различной вкуснятины понавыставляли классы на своих столиках, то подумала, что столько не купят, потому что не съедят. Здесь вышел прокол. Не учла я степени голодности детей после третьего урока. Размели все до последнего чупа—чупса и жвачки.

Под Новый год устраивались утренники для младшей школы и дискотека для старшеклассников. Если не случалась драка и никто ничего не разбил – удача невероятная!

Особенно пользовались успехом конкурсы снеговиков (снег был всегда, а вот оттепель – не всегда). Только младшие классы лепили действительно снеговиков. Старшие классы ваяли зайцев, драконов, червячков и больших змей.

23 февраля поздравляли мужчин и мальчиков, 8 марта – девочек и учительниц. На день Защитника Родины на сцене были только девочки, а в зале сами будущие защитники и учителя. На 8 марта, соответственно, только мальчики и снова учителя.

В День учителя старшеклассники сами проводили уроки, заменяя преподавателей. Ко мне заранее подошла Катя, которая захотела заменить меня в 7 классе. Я предоставила ей материал, рассказала об этапах урока и была очень приятно удивлена, когда и девушка осталась довольна проведенным уроком, и семиклассники еще долго вспоминали ее пересказ произведения.

К каждому празднику готовились рулоны ярких стенгазет с фотографиями. Эти рулоны развешивались по всей школе, как обои, то есть, вся стена от потолка до пола была покрыта слоем этих газет. Особенно популярными были газеты, при создании которых использовались удивительные неожиданные формы. Например, большие отпечатки ладоней или стоп. Подготовка газет, обычно, всех напрягала, но были и такие ученики, которые с удовольствием брались за это дело, причем каждый раз это часто были одни и те же личности. Разрисовывать ватман приходилось после уроков, в свое личное время, именно это и отталкивало большинство желающих проявить свой художественный талант.

Еще один цирк – это рассматривание готовых газет. Смех и активное обсуждение всегда имели место на протяжении того дня, когда стенгазеты вывешивались педагогом —организатором. Смеялись до слез и боли в щеках. Что дети там находили смешного, я не понимала. Часто наблюдала, как восьмиклассницы и девятиклассницы отыскивали на стенгазетах фотки старшеклассников, которые им нравились, и засматривали их (фотографии) чуть не до дыр. Были даже случаи, когда фотографии вырезались, отрывались, отколупывались... на память, я так понимаю.

После школьных мероприятий часто устраивалась дискотека. Ее отменяли или досрочно сворачивали в том случае, когда кто-то из парней напивался, устраивал драку или имел место акт вандализма. Самый громкий случай – разбитый унитаз в мужском туалете.

Не принимать участие в концертах и конкурсах было дурным тоном. Хотя хватало субъектов, откровенно уклоняющихся от самодеятельности. Но это были такие субъекты, которые уклонялись от всего: и от концертов, и от учебы. А так даже оторванные неформалы принимали участие. К примеру, известный всей школе панк Глеб продавал на Сладкой ярмарке пирожки... , которые пек сам. Когда мне рассказали, что он еще и вышивает, я начала больше уважать Глеба.

Очень необычным был конкурс «Слабо!». Каждый год классы выдвигали своих кандидатов с определенными «дурковатыми» возможностями. Согласно условию конкурса, повторять на следующий год нельзя было один и тот же номер, поэтому мозг серьезно плавился, творческий ступор наставал раньше, чем находился очередной умелец повытворять прилюдно.

Во время классного часа сидели с 10-Б и обсуждали, кого и с каким талантом можно выдвинуть на конкурс.

– А что было в прошлом году? – несмело спросила у активистов, которые почти рвали на себе волосы, ища интересные возможности какого—нибудь ученика класса. Все внимательно посмотрели на меня, давая понять, что в этом вопросе я ничем не помогу. И все же Костя взялся меня просветить:

– Танька жрала лимоны. Пять штук слопала. Без сахара.

– А в восьмом Жид две минуты в ведре с водой голову продержал, – добавил Славик.

– А может, вы чего такого умеете делать? – поинтересовался Гена и лукаво прищурился.

– Только скороговорки очень быстро, – это первое, что пришло в голову.

– А ну, что за ля? – это так Гена попросил рассказать о скороговорках.

– В четверг четвёртого числа, в четыре с четвертью часа, лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали, и потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюером интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто рапортовал, да так зарпортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституцион-

ном Константинополе, где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой:

Не кури, турка, трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи,
а то придёт бомбардир из Брандбурга – бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл! – почти на одном дыхании выпалила я. Класс застыл в немом оцепенении минут на пять, по глазам прочла – впечатлены.

– Кто-то может выучить. Я научу, это не сложно, – попыталась предложить.

– Шутите? Выучить? Да тут как бы выговорить, а не то, чтобы выучить, – первым отошел от онемения Славик.

Я бы и сама проговорила на конкурсе скороговорку, но по условиям участниками могли быть лишь ученики. Ничего, еще минут двадцать и решено было, что отличница Яковенко Маша продемонстрирует свое умение быстро чистить картошку.

Директор всеми этими конкурсами хотел сделать жизнь школьников ярче и насыщеннее, но количество не переросло в качество. Вся школьная жизнь серьезно походила на большой КВН. Конкурсы серьезно мешали учебе, поскольку не успевали провести один, как необходимо было начинать готовиться к другому. Это детям (а учителям как!) надоело, и многие не хотели ни концертов, ни стенгазет, ни бесконечной летописи школьной жизни, ни тортов «Пиренеи» во время Сладких ярмарок.

Глава 4 Отличники

*Говорят, что бедные отличники
Лишены эмпатии совсем:
Двоечника, впрямь до неприличия,
Не дают списать ни то, ни сё.
(Лариса Луканева «Миф об отличниках...»)*

Гордостью школы во все времена были и будут отличники. В коридоре школы была вывешена доска почета, на которой красовались лица всех отличников, которые на данный момент учились в школе. Ровно двадцать. Не густо. И трое из них в моем «звездном» классе: Ковальчук Артур по прозвищу Дока, Яковенко Мария, которую вся школа знала как Мальвину, и Лабутко Алина. Последнюю все дразнили «ботаничкой» и «заучкой».

Стопроцентным отличником я бы назвала Артура. Он постоянно выполнял домашние задания, часто поднимал руку на уроках, выкрикивал даже, если не спрашивали. Было такое качество у Артура, как «хочу высказаться и выскажусь, а что вы думаете по этому поводу, мне глубоко фиолетово». Это раздражало некоторых учителей, особенно тех, которые привыкли вести урок «для себя». Как это? Приходит такой учитель на урок и рассказывает, рассказывает, звенит звонок – задает домашнее задание. Зачем были на уроке нужны ученики – не понятно. Артур, вклинившись в поток мыслей такого учителя, ломал все его планы на удачную (по мнению педагога) лекцию. Отсюда рождалась неприязнь. С другой стороны, если Артуру дать высказаться, как хочет он (а мальчик был начитан по самые ушки), то учитель может целый урок тихонько просидеть на стульчике и послушать интересные факты и альтернативные умозаключения продвинутого паренька.

В классе Артура уважали. Знаете, почему? Он мог написать десяток, а то и больше (сколько попросят) сочинений на одну и ту же тему в разных вариациях для всего класса. Шикарный рерайт или копирайт, как получится. Ему не важно было, какую оценку он получит (хотя, преимущественно были пятерки), главное – докопаться до истины, найти правильное решение, а для этого парень не поленится «достать» учителя до печенки на протяжении урока, а то и переменуку захватит. А если (упаси Боже!) Артур заметит, что учитель что-то не так сказал, перепутал даты или ошибся в формуле – как выражаются дети, «полный амбец». Начитается книг различных авторов по истории и доводит молодого учителя истории вопросами типа «а вы знаете, Крипякевич считает, что путь «из варяг в греки» проходил не там, где рисует его на схеме Субтельный?» Учитель нервничает, злится на Артура, а тому и невдомек, почему это атмосфера в классе накалилась? Артур – то хочет разобраться. Класс был только «за» такие копания уважаемого отличника, поскольку тогда никого не успевали спросить, а то и самостоятельная работа не вписывалась во временные рамки урока.

Когда в сентябре возник вопрос, кого из 10-Б выдвинуть в кандидаты на пост главы школьного самоуправления, весь класс единогласно указал на Артура. Школьное управление претендовало на демократию. Был и парламент, представители которого определялись с помощью общешкольных выборов, проводившихся обычно в конце сентября. Самой «жирной» считалась должность главы школьного парламента. А лидеров в школе всегда хватало.

В этот год выборы обещали быть горячими, поскольку на эту должность претендовали три сильных кандидата. С 11-А стремилась стать главой Савчук Анна, с 11-Б – Снаткина Екатерина. Обе девки амбициозные и редкие карьеристки – это я поняла, только взглянув на них.

И угораздило ж к этой компании примкнуть Артуру. Хотя ему и помогал весь класс, и у Артура была самая лучшая программа, все равно во второй тур вышли девки. Обе были лучшими подругами, до выборов. Как только началась вся эта политика в миниатюре, переругались, переплевались, и в сторону одна другой не смотрели. Мой класс стал на сторону Снаткиной. И не потому, что Катя была чем—то лучше Ани, просто Аня как-то позволила себе в компании высказаться в адрес 10-Б класса: «стадо дегенератов и отбросов общества». Вот теперь это аукалось. Катя стала «любимицей», Аню интеллигентно ненавидели.

Чего только мои «выборцы» не вытворяли, и все их силы шли преимущественно на то, чтобы больше гадости сделать Ане, а не афишировать преимущества Кати. Люди устроены таким образом, что больше сочувствуют обиженным. Поэтому, видимо, и выиграла Анна. Причем, Аня обошла Катю не намного, и от этого было еще обиднее.

Неделю школу лихорадило от такого катаклизма, как выборы. Агитационные листки развешивались на стенах в коридорах, в столовой вместо меню, в туалете на кабинках. Одним словом, – везде, где глаз рядового ученика нашей школы мог увидеть потенциального руководителя школьного самоуправления. Дети были заняты выборами, директор с администрацией наблюдали за всем этим и лояльно не мешали, учителя делали свою обычную каждодневную работу – лепили двойки и награждали пятерками. Только уборщицы ругались с утра до вечера, сгребая большое количество бумаги по школе.

– Что ж вы их учите, учите, а они такие тупые? – задала мне риторический вопрос уборщица тетя Рая. Очень колоритная личность. Смотреть на ее общение с проказниками спокойно невозможно было. Я просто опишу несколько эпизодов, и читатель, надеюсь, поймет сам.

Тетя Рая мыла боковые ступени, ведущие с первого на второй этаж. Видимо, в ее планах было все же успеть домыть до звонка на перемену. Не успела. Из класса вылетело два самых шустрых, и кубарем покатались по ступеням к столовой. А куда ж еще можно торопиться? Все, два урока прошло, проголодались. Такой преграды, как уборщица, наклонившаяся для мытья ступеней, они на пути не ожидали. А тетя Рая имела габариты настоящей женщины – не объедешь, не обойдешь, по всей ширине ступеней. Но реакцию парни имели отличную: оттолкнулись от спины уборщицы, как при перепрыгивании физкультурного снаряда козла и дальше побежали. Только убежать далеко не получилось – тетя Рая разогнулась и запустила в того, что последним бежал, грязной мокрой тряпкой.

– Да когда ж вы, ироды, культурно ходить научитесь, племя обезьянье? – прокомментировала вдогонку. Парень выругался, сбросил тряпку с себя и быстро убежал.

Тетя Рая считалась в школе негласным борцом с курильщиками. Захожу как-то к завучу, чтобы планирование поурочное подписали, и становлюсь свидетелем разборок мамы семиклассника с тетей Раей.

– Вы зачем моему Ромке скормили две сигареты? – обиженно на повышенных тонах мама.

– Бычки твой Ромка по школе разбросал. Насвинячил, одним словом, – парирует тетя Рая.

– И за это калечить ребенка? – недоумевает мама.

– Я не поняла, ты меня слышишь, аль нет, твой ребенок в 7 классе, а уже курит. Ты понимаешь, курит! – нависнув всем своим массивным телом, пыталась достучаться до сознания сильно любящей свое курящее чадо мамы, тетя Рая.

– Ну и что, что курит? Зачем ему в рот заталкивать сигареты? Это фашизм!

– А разбирайтесь с этой чокнутой сами. Я, между прочим, так своих троих сыновей отучила от сигарет. И не жалею. А ты трави своего, дура баба, – и, хлопнув дверью, демонстративно удалилась.

– Не, ну вы видели? Как она может здесь работать? Я пишу заявление на имя директора, пусть ее увольняют, – разошлась мама. Завуч немного охладила ее пыл:

– А полы в школе кто будет мыть, может быть, вы? Я согласна, метод у Раисы Сильвестровны не ахти, но проблему с курением вашего сына в стенах школы придется решать, иначе мальчик будет исключен из школы, – умело перевела разговор в нужную плоскость Елена Дмитриевна. И пяти минут не прошло, как мама ретировалась, пообещав провести с Романом работу по устранению никотиновой зависимости. Когда мама ученика ушла, я напомнила о цели своего визита.

– Я не просто так оставила Вас, София Константиновна, посмотреть эту сцену. В вверенном Вам классе тоже много курильщиков. На следующей неделе мне нужно будет предоставить сценарий мероприятия, которое вы проведете в рамках недели борьбы с курением. Это может быть лекция, может быть рассказ какого-нибудь заядлого курильщика, раскаявшегося в бесцельно прожитых годах, викторина, просмотр иллюстраций. Все, что хотите, главное, чтобы дети услышали о том, что курить – это вредно.

Я, естественно, написала план воспитательного часа и провела его во вторник после уроков. Начинался он так, как начинается обыкновенный классный час для галочки. Я завалила «деток» выше меня ростом неутешительной статистикой и назвала причины, почему не стоит курить. Не забыла рассказать, что пассивное курение еще хуже, чем, если бы сами курили. Класс, уставший от уроков, не сильно язвил, но и не слушал.

– София Константиновна, а вы курили в школе? – таки раздался этот вопрос.

– Нет. И, если честно, не хотелось пробовать, чтобы не привыкнуть. Жалко тратить столько денег на яд, который будет убивать. Лучше мороженое съесть или шоколадку.

– Значит, были пай-девочкой. И, небось, отличницей? – я почувствовала сарказм в этом вопросе.

– А что плохого в том, чтобы слушать родителей и быть отличницей? – беседа набирала личностного оттенка, но без этого, видимо, никуда.

– Стопудово и папа с мамой у вас некурящие? – это уже Славик подключился. Спортсмен, а дымом сигаретным весь просто пропитан.

– Папа в молодости пробовал курить, но дед отучил, – пытаюсь говорить правду.

– Опаньки. А как, не расскажете? – интересуются. Это хорошо. Я была готова к этому. Поэтому рассказываю, как дед делал поначалу отцу «полезные» сигареты, изготавливая их из сухих шалфея, подорожника, зверобоя, чабреца, листьев земляники и грецкого ореха. Слушают, некоторые что-то записывают. – И давайте так договоримся, в школе не курить, а если уж закурились, зажевывайте жвачками, а то воняет, как от бомжей.

В ближайшую неделю полкласса активно начали жевать жвачки. Неужели столько курильщиков? Зачем это им в столь юном возрасте?

Директор и профилактику курения проводил в форме соревнования. Имея окно (отсутствие урока между другими занятиями), я села в учительской проверять тетради, но услышала звуки торжественной речи в распахнутое окошко. Выглянула – двор школы, как на ладошке. И что же предстало моему взору? Во дворе проводят спартакиаду. Директор сам управляет, кричит в микрофон, а усилители и динамики завершают свое дело. Дети активно бегают в мешках, прыгают в высоту, перетягивают канат и выполняют другие интересные упражнения. Заинтересовалась, поскольку и своих увидела несколько человек в команде старшеклассников. И тут понимаю, что сейчас будут происходить соревнования восьмиклассников с 10—11 классами по бегу. Даже отметила про себя, что это как-то несправедливо, неравные возрастные категории. Но звучит старт и – проиграли старшеклассники. Директор, как можно громче, орет:

– Вот! А виновато ваше курение! Малышня вас за пояс заткнула!

Да, возрастные категории неравные. Видать, восьмиклассники еще не начали так активно курить.

Возвращаясь к теме «отличников», однозначно могу сказать, что книжным червем и очень печальной ученицей представлялась Лабутко Алина. Она считалась «лучшей» в классе и пыталась изо всех сил соответствовать этому статусу. Ее дневник еще в 3 классе был красивой картинкой, а не озером, в котором плавают птички—лебеди. Родители Али показывали дневник дочери родителям других детей, а тем детям, в свою очередь, попадало от своих родителей, которым навязчиво демонстрировали как пример хорошую девочку Алю. Естественно, что любви к Але ее одноклассники не чувствовали, и на девочку начались гонения. Кроме этой неприязни, Аля всегда имела кучу других проблем. В мирное время, когда нет самостоятельных и контрольных работ, с ней мало кто общался, но, зато на контрольных, резко вспоминали и требовали помощи. Как только контрольная проходила, – Аля опять становилась не нужным человеком. Ощущение того, что тебя грубо использовали и выбросили, Алю все же ранило. От такого отношения у девочки формировалась обида, Аля ссорилась с одноклассниками и говорила в порыве гнева много гадких слов, после чего уходила на первую парту, чтобы никого не видеть, кроме доски и учителя. Чтобы чем—то себя занять (друзей не было), Алина еще больше углублялась в учебу, ее рука не опускалась на уроках, но списывать она уже не позволяла, чем вызывала еще большую неприязнь одноклассников. Создавалось впечатление, что ей все сине—фиолетово. Возможно, все так и было, поскольку она уже выросла и поставила себе цель, путь к которой – наука. Таким образом, вроде бы и училась в классе, но в то же время – сама по себе, вся в себе.

Яковенко Маша – это «золотая середина» между Артуром и Алиной. Отличницей Маша была не с первого класса. Тяга к «хорошим оценкам» у девочки появилась в классе седьмом.

Она быстро приложила максимум усилий и выбралась в «передовики», хотя большую часть симпатии учителей Маша достигала не знаниями, а подхалимством. Таким путем Мария привернула к себе почти всех учителей, которые даже если девочка не доучила чего-нибудь – все равно завышали ей оценки. Самым большим событием в карьере Маши считалась роль Мальвины в школьном спектакле. Так и прилипло сказочное прозвище, хотя Маша довольна была этим, ведь оно напоминало ей ее звездный триумф, который открыл в девочке драматический талант. Мама Маше отыскала где-то костюм Мальвины и ясно—голубой парик, поэтому такой красивой Мальвины Маша и сама от себя не ожидала. Память у девочки была хорошая, поэтому большой текст она выучила быстро, но на сцене во время премьеры забыла от волнения слова. Режиссер – постановщик (она же педагог-организатор Людочка) чуть шторы не начала грызть, когда увидела удивленно-испуганную Мальвину, готовую расплакаться прямо на сцене. И вдруг Маша собралась и выдала приблизительную к основному тексту реплику. Так для Маши открылся интересный школьный закон: если чего—нибудь не знаешь – говори приблизительно, главное – что-нибудь да говорить. Все, Маша перестала зубрить: когда что-то забывала – импровизировала. Импровизацию оценили, а зрители даже не заметили заминки, зато как аплодировали. Больше звездных ролей у Маши не было (а и не нужно!), поскольку все прекрасно до сих пор помнили ее непревзойденную роль Мальвины и постоянно вспоминали ее при каждом удобном случае.

Сидела Маша за первой партой от окна, но, в отличие от Артура и Алины, никогда ничего не выкрикивала и не тянула руку. Просто стандартно покачивала головой в такт словам учителя и держала весь урок преданный взгляд услужливой болонки. Но если Машу спросить – ответит. Поразительно, но, даже не зная ответа, она все равно что—то будет пытаться говорить, общими фразами, корявенько, но двойку не поставят, а до хорошей оценки далеко. Под честное слово разрешат выучить и пересдать. И Маша пересдаст.

Глава 5 Денис Агеев

*Он боксом нет, не увлекался,
Он с кулаками в драку лез.
Он забиякою считался,
Кричали все: «Головорез!»*

Сразу необходимо сказать, что с этим юношей я познакомилась раньше, чем стала руководителем в классе, где он учился, и учителем в школе.

В тот день я пришла устраиваться в школу на работу. Памятуя, что встречаются все же по одежке, я откопала в своем гардеробе вещи, которые, как мне казалось, соответствуют статусу и образу учительницы. Желтая блузка под горло, совершенно непрозрачная, и серые широкие брюки. Волосы собрала в конский хвост, а на ноги обула свои любимые ботиночки на небольшом каблучке. Завязывались эти ботиночки сзади толстыми шнурками, на кончиках которых имелась железная тяжелая капелька. На ноге эти ботиночки смотрелись очень элегантно.

Принесла директору свои документы и поговорила с завучем, кабинет которой располагался на втором этаже. По рекомендации Елены Дмитриевны получила учебники и необходимую литературу в библиотеке. А вот библиотека почему —то была расположена аж на третьем этаже.

Ступени мне не понравились с самого первого взгляда на них. Как для школы, какие-то они были очень стремительные и узковатые. «Как здесь дети бегают на переменах?» – подумалось мне, когда спускалась с третьего этажа. И только подумала, как тут же зацепилась правым ботинком за шнурок левого и... учебники в одну сторону, а я... Я бы не досчиталась, наверное, пары ребер, если бы покатила с этих ступенек, но Бог миловал и позволил мягко приземлиться прямо в руки какому-то большому и сильному старшекласснику. Это тогда я его видела впервые. Потом узнала, что это Денис Агеев. Но Денисом его почти никто не называл. Больше – Боксер. Вы думаете это потому, что он занимался боксом? Нет. Просто в вопросе затеять драку или поспособствовать появлению у пары – тройки учеников школы синеньких ярких фингалов – Денис дока. Парень жить не мог без битья физиономий.

Но тогда он меня удачно и ловко поймал. Я просто благодарил Бога, что Он послал на помощь такого сильного и расторопного паренька, который не только поймал, но и удержал меня (62 кг на всякий случай!). Возможно, это обстоятельство никогда не позволяло мне забывать, что в этом мальчике есть что-то хорошее. Я чувствовала необходимость и со своей стороны сделать что-то доброе. Тогда же, на ступенях, он подумал, что я новая ученица, и вел себя со мной немного фривольно. Сначала поставил на ноги, потом помог пособирать учебники, а дальше улыбнулся и выдал:

– Как тебя звать, раззява? – это были первые «приветливые» слова из уст юноши.

– Соня... – еле вымолвила, ощупывая свое запястье, которое сначала заныло от сильной хватки спасителя.

– Точно Соня. Родители правильно назвали. Смотри под ноги, когда идешь, – он перевел при этих словах свой взгляд на мои ноги и присвистнул, – А не хилые у тебя ножки. Не теряйся, я потом тебя найду, – сказал и резко исчез. Как он мог разглядеть под широкими штанами мои ножки – осталось тайной.

Я чувствовала себя полной идиоткой. Стыд залил мне щеки густым румянцем: ни слова сказать, ни прокомментировать. С ботиночек шнурки я убрала и, спустя некоторое время, по этим крутым ступеням научилась ходить. Но больше времени мне пришлось потратить, чтобы отучить Агеева от драк.

А еще смешно сложилось, когда директор завел меня в класс и не успел представить, как Денис радостно выкрикнул:

– О-о-о-о, какие люди, Соня —а-а! – он стоял возле парты счастливый от того, что видел меня. Я же прятала от стыда глаза.

– Не Соня, а София Константиновна, ваш педагог, – грозно рявкнул директор, и улыбка с лица Агеева исчезла. Как оказалось, исчезла навсегда. Он понял дистанцию между учителем и учеником, как никто лучше. А были такие, что не поняли.

За первые три недели произошло десять драк. И во всех принимал участие Денис. Я не могла проводить спокойно уроки. Все время прислушивалась, не идет ли кто-то из администрации, чтобы сообщить мне, что Агеев опять кому-то разрисовал лицо. Однажды я сама чуть с ним не подралась.

Проверив после уроков стопку тетрадей (тогда я еще не таскала их домой), уже собиралась уходить, когда глядь – возле гаражей на противоположной от школы стороне улицы мой Агеев ругается с каким-то мужиком. Пока я добежала, мужик уже валялся в луже, а Денис бил его ногами. На мои уговоры парень не реагировал. Пришлось легко стукнуть его по спине. Я помню басню Крылова «Слон и Моська», но все же. Тогда Денис перевел свой дикий взгляд на меня и уже занес свою руку, чтобы ударить, но вовремя остановился и почти прорычал:

– Не лезьте, потому что и вам могу заехать, хоть и учительница. Злой!

– Денис, это человек. Что он плохого тебе сделал, что ты его так бьешь?

– Меня этот человек сделал. Это мой батя, черт его схватил бы, – и со всей дури отправил свою ногу в район ребер стоящего на четвереньках мужчины. Я заградила собой потерпевшего:

– Остановись! Это преступление! Как можно бить отца?

– Такого? Можно и нужно. Дай я его раз убью, и больше он не будет здесь вонять, – глаза юноши пылали такой ненавистью, какой я еще никогда не видела у него. Вообще ни у кого не видела. Спасибо, рядом проходили двое мужчин, они схватили Дениса и оттянули к скамейке. По всему было видно, что они знают парня. Парень немного посидел на скамейке, остыл. Я забрала Дениса в класс, а мужчины вызвали скорую для отца Дениса. Ничего не спрашивала, просто дождалась, когда Денис сам захочет рассказать мне о том, что случилось. И он рассказал:

– Он мамку бьет. Очень бьет. Напьется и на ней зло сгоняет. Она из-за него инвалидность получила, – тихо начал рассказ Денис.

– А почему зло на ней? В чем ее вина? – спросила я.

– Когда-то она отказалась поехать с ним за границу. Я должен был родиться, и врачи не разрешали мамке лететь самолетом. А батя – профессор у нас... был. Тут его опыты никому не нужны. Вот и виноваты мы оказались с мамкой. Теперь у него шиза, на старости вообще переклинило. Я его убью, Соня Константиновна, – Денис так сморщился, что я поняла – так и будет.

– Почему же он не уехал сам? – нашла я вариант решения проблемы.

– Да куда он хроник такой теперь поедет? Кому он нужен? Кроме мамки, которая ему рабыней всю жизнь была. Пусть там по лужам и лазит.

– Но ведь тебя посадят, если что натворишь. Зачем жизнь губить?

– А ему можно? Мне десять было, когда... у меня мог быть братик или сестричка. Он сделал так, что... Хорошо, хоть маму спасли. Больно, Соня Константиновна. И я не знаю, что делать.

Мне показалось, что злость Дениса была еще глубже и причина состояла не только в проблемах отцовского характера и поведения.

– Ты всегда бился? – решила спросить.

– А-а-а, вы об этом? – он посмотрел на свои туго стиснутые кулаки. – Папин характер. По наследству достался. Такой уж я есть. Как соберется эта злость – тогда и метелю каждого, кто под руку попадет. Но за дело.

– А спортом не пробовал заняться? – нерешительно спросила, прощупывая почву.

– Каким? – удивленно спросил, но в глазах зажегся маленький огонек. – Футбол? В него все играют. Как по мне, дебильная игра. Двадцать два придурка гоняют по полю мяч. Не прикольно.

– Почему сразу футбол? Существует много других видов спорта. Я уверена, что тебе уже что-то нравится. Ведь так?

– В корень зришь, учительница. Я б боксом занимался. Недалеко от нашего дома есть боксерский клуб. Но там нужно разрешение родителей и платно.

Я поняла проблему и попыталась найти выход. Пришлось потратить два часа на разговор с матерью Дениса. Сложно было объяснить несчастной затюканной женщине, что самое главное в ее жизни – будущее единственного ребенка, поэтому нужно постараться. Она подделала подпись мужа и выделила деньги для секции бокса. Так Денис пошел заниматься. Правду говорят, Москва не сразу строилась. Как бился Денис, так и продолжал, но не так агрессивно

и теперь уже «за правое дело». Тренер не мог им нахвалиться, даже пообещал после школы устроить в физкультурный институт и забрать младшим тренером в клубе.

Отец Дениса все же узнал, что сын посещает бокс, даже узнал с чьей подачи, поэтому пришел поговорить ко мне. Выхожу я как-то со школы, чтобы домой идти, а предо мной стоит Александр Сергеевич. Как Пушкина назвали, честное слово! Злой гений получился. В глазах злость и куча вопросов. Я поняла, что час расплаты настал. Душа сразу в пятках спряталась (там надежнее), но гордость решила за все отдуваться. Виду не подаю, что боюсь, стою, гордо подняв голову. Когда-то читала, что если собаки не бояться, есть шанс, что не укусит. Если не бешеная.

Денис в папу, да, бык еще тот. И главное, никакой гарантии, что не бешеный этот папа.

– Это ты классная Дениса Агеева? – спрашивает и плюет на асфальт, нагло и беспардонно.

– Да. София Константиновна Соломина, – представилась и жду, когда меня будут убивать.

Их несуразные фигуры возникли где-то из глубины двора и стали впереди меня.

– Дядя, ты куда-то чухал? Вот и иди себе, – плевков в ответ, затушенная сигарета. Боковым зрением узнала Скворцова, потом Маркина. Что-то бы сказала, но дар речи потеряла.

– Пошли вон, шмаркачи. Я с ней хочу поговорить, – так же нагло и угрожающе процедил отец Дениса.

– Она с таким быдлом, как ты, не разговаривает... – и это мои ученики. Ужас! Созрела тема классного часа, если жива останусь.

– С таким, как вы, говорит же. Советует, б...дь, как жить, что делать. Я не посмотрю, что вас двое. Сейчас, как наклепаю, – угроза не подействовала.

– Нас не двое, дядя. Значительно больше. А начнешь руки распускать, часть первая, статья 125 Криминального Кодекса – нанесение телесных повреждений несовершеннолетним. Это тебе не жену дома дубасить чем-попало.

– Чего? Вы несовершеннолетние? Бычки недоношенные. Какая сука такое родила?

Все, парни рванули драться, но я выбежала вперед и закрыла их обоих, расставив руки:

– Нет, Андрюша! Рома! Не опускайтесь до его уровня. Он плохой, но я не хочу, чтобы вы пострадали.

– Что же, дядя, тебе повезло. При маме Соне не хочется ругаться с тобой. Но если подойдешь к ней хотя бы на полметра, с тобой будет говорить Жора Кныш, знаешь такого?

Судя по тому, как быстро исчез папа Дениса с горизонта, он знал и Кныша, и Жору. Я поблагодарила парней и попросила не бить Александра Сергеевича. Они пообещали, но домой не пошли. Я чувствовала, что где-то недалеко на определенном расстоянии, они провели меня до самого дома. Было страшно, но приятно. Так они провожали меня почти месяц, думая, что я не знаю. Потом у меня нашелся другой провожатый.

Глава 6 Берецкая Анастасия

*Уважение силою не заслужить,
Хочешь – бей, хочешь – режь, а хочешь – кричи.
Ты ребенка лучше душою пойми,
В мир его тихой поступью войди...*

Таких детей, как Настя, называют неприметными. И черты внешности она имела невыразительные, и передвигалась незаметно, и в классе ее часто просто не замечали. Но я ее заметила сразу. Потому что она напомнила мне себя. Ее глаза. Это были интересные пытливые огоньки, обрамленные густыми, но не очень темными ресницами. Если другие девочки незаметно подкрашивались, то Настя – никогда не использовала косметику.

Когда я что-то рассказывала, Настя внимательно слушала, ее глаза сияли, и в них светился врожденный ум.

Родители Насти – обыкновенные работяги: мама – посудомойка в ресторане, папа строитель. У девочки была еще меньшая сестренка Катя, которая училась в девятом классе, и брат Сергей – ученик 8 класса. Я преподавала во всех этих классах, поэтому присмотрелась к детям и определила, что все трое очень сообразительные личности. И еще я заметила, что у детей слишком много синяков на теле. Если Настя мастерски гримировала синяки, то меньшие не особенно – то и старались что-либо делать. На мои вопросы: «Кто вас бил?», дети в один голос отвечали, что упали, ударились, бывает. И когда как-то после трех дней отсутствия Настя пришла в школу с синяком возле рта, я не удержалась и затеяла слишком откровенный разговор.

– Папа у нас, как выпьет, то бьется, – созналась девочка, пряча глаза.

– А что мама по этому поводу говорит? – я понимала, что мужчина так самоутверждается, но у детей еще была и мама. Она не могла не видеть, что происходит. – Она обращалась в милицию?

– Нет, вы что, она нам сурово запрещает кому-нибудь и говорить об этом. Отец рассердится.

– Он и мать бьет? Чего ж она терпит? – мне, выросшей в семье, где отец с мамой носился, как с королевой и пылинки с нее сдувал, было невдомек, как можно так жить.

– Мама зарабатывает мало. А отец почти вдвое больше. Она боится, что нам не на что жить будет, если он бросит нас. Он когда не пьяный, то хороший. Проспится и просит прощения. Подарки покупает.

– Хороший подарок, – я нежно провела пальцами по желтовато – синему пятну возле рта девочки. – Нельзя молчать, Настя, даже если это твой отец. Сегодня синяк, а завтра и убить может. Я знаю, о чем говорю. Это насилие, девочка, домашнее насилие.

– Вас тоже били? – тихо, словно кто-то подслушивал, спросила Настя.

– Нет. Мои родители жили и живут по другим законам. Я жила в раю, как оказалось. Но вот одной моей однокласснице не так повезло, как мне. Ее отец в порыве гнева часто бил. Однажды не рассчитал силы своего удара и это был последний день в ее жизни. Вас больше, чем он один. И вы уже не сильно маленькие.

Я понимала, что необходимо что-то делать, но что? Не очень—то хотелось навредить семье, и в то же время понимала, что сами они никогда не разорвут этот узел. В таких ситуациях я всегда советовалась со своим отцом. Он, директор огромного завода, имел большой авторитет в нашем городке у людей, потому что умел найти подход к каждому. Иногда со стороны казалось, что он поступает плохо, но время показывало – это было единственно правильное решение.

На этот раз папа решительно предостерег меня от какого-либо вмешательства в чужую семейную жизнь. Это жесткое заявление стало предметом не одного нашего с ним спора. Его аргументы были твердыми, поскольку он боялся, что во всей этой ситуации именно я пострадаю больше всего.

– Соня, ты решила стать учителем или адвокатом? – серьезный папин голос в телефонной трубке и радовал, и настораживал.

– Учителем не получится быть с позицией «моя хата с краю», пап, – напомнила я ему его же постулат.

– Проверяй тетради, проводи родительские собрания, подтирай сопли своим воспитанникам и не лезь туда, куда не стоит, – напомнил свою позицию отец.

– Какие сопли, па? У меня класс пятнадцатилетних подростков. Это 10 класс. Взрослые люди, которые фальши не примут, – напомнила.

– Сонь, напиши заявление в социальную службу, и пусть этой семьей занимаются они.

Несмотря на совет отца и молчание сестры и брата Насти, я твердо решила поговорить с Берецким Антоном Петровичем, отцом Насти. Под поводом вопросов относительно обучения Насти, я вызвала Антона Петровича в школу. Это был приятный внешне седоватый полный мужчина. За полчаса разговора с ним я не выявила никакого подозрительного негатива. И когда я рассказала, что вызвала его, потому как волнуюсь о Насте, поскольку она прекрасная ученица, но в последнее время очень замкнута и все время в синяках, он не скрывал, что это его рук дело.

– Настя – девка уже взрослая. Парни звонят. А нам с женой только и не хватало, чтобы в подоле принесла. Своих три рта.

– Вы ее бьете потому, что она встречается с мальчиками? – удивилась я.

– Кто встречается? Пусть только попробует! Так, для профилактики.

– А меньших тоже для профилактики? – поинтересовалась я.

– А к чему тут меньшие? Вы же руководитель Насти? О ней и будем говорить. Я чего-то не понимаю, София...?

– Константиновна, – напомнила я.

– Так вот, София Константиновна, вы сами детей имеете?

– Нет. Пока.

– Вот как заведете, тогда сразу меня и поймете. Их лупить нужно, пока на шею не сели. Должны бояться. Бояться – значит уважают.

– Вы знаете, меня отец никогда не бил, но я его всегда уважала и буду уважать. Уже за то, что не бил. А вас родители тоже побивали для профилактики?

– А как же? И я рад, что выбили всю дурь вовремя. София Константиновна, до вас у Насти было пять руководителей, и ни один не совал своего носа в наши семейные дела. Как воспитывать своих детей, я буду решать сам, – вот и договорились, вот и увидела настоящее лицо этого ничтожества. Он хочет, чтобы его уважали.

– Антон Петрович, вы работаете строителем в фирме «Стройиндустрия», это так?

– Да. А что? На работу пойдете жаловаться?

– Ну что вы так сразу. Я верю, что наш разговор останется в стенах этого кабинета, и мы пойдем друг друга. Вы свою работу делаете качественно? Ничего не заваливалось, на брак не жаловались?

– Я много получаю, поэтому за работу держусь. Семья большая, кормить нужно, стараюсь делать на совесть. Никто еще не жаловался, – не понял, куда я клоню.

– Я тоже хочу свою работу делать качественно, хоть и не могу сказать, что получаю много. В ваших руках кирпичи и стройматериал. А как вы думаете, в моих что?

– Тетради, указка, учебники, что ж еще? – опять не понял.

– Не-а. Души подростков. И если я им сейчас в эту душу плюну, как они на меня будут смотреть? Как на предательницу. Вы ведь хотите, чтобы вас уважали? И я вот хочу.

– Вы в каждой семье так копаетесь? – все равно свое гнет.

– Нет. В моей компетенции всего 22 семьи. Простите, но в обязанности учителя Министерство образования пока ввело такой пункт, как информирование родителей о правах и обязанностях детей и их родителей. Я, Антон Петрович, отвечаю за жизнь и здоровье вашей дочери, поэтому если еще раз увижу синяки или другие следы насилия на ваших детях, я вынуждена буду сообщить об этом факте в социальную службу. Я вас честно предупредила и надеюсь, что вы меня поняли.

– Понял, – сердито ответил папа Насти, злобно глянув мне прямо в глаза.

Больше я не замечала у Насти синяков, но она так и осталась тихой, неразговорчивой, мало улыбалась.

Глава 7 Загорская Наташа

Эта девочка не была похожа на десятиклассницу. Слишком маленькая, нежная, почти крошечная. Излишняя худоба добавляла ей детскости. Наташа несмело выходила к доске и всегда прятала руки: иногда за спину, иногда в пышные рюшики школьного фартучка. А когда я попросила ее написать на доске тему урока, то Наташа очень неаккуратно вывела мелком левой рукой «Образы романа Льва Толстого «Война и мир». А я, дура набитая, тогда (никогда себе не прощу!) спросила, не пробовала ли она писать правой рукой, возможно, лучше бы вышло? Левши оказываются и правшами тоже. Девочка покраснела, застеснялась и выбежала из класса.

– Ну вы Соня Константиновна и Клава, – крикнул Кондратюк Славик и помчался в коридор прямо за Наташей. Я стояла у доски, не понимая, что такого я ляпнула, как говорят дети «не в тему»?

– У нее нет пальцев на правой руке, – спустя некоторое время тишину прорезал голос Яковенко Маши. – Наташка плохо пишет, но она прекрасно рисует. Ее работы всегда на конкурсах районных побеждают.

– Я не знала, – с чувством полного крестинизма виновато процедила я и сразу же сделала очередной ляп. – Какая—то травма?

– Да, травма. Только не у Натки, а у ее маман. Пила, когда была беременной. Да и сейчас не лучше, – дальше объясняли мне одноклассники.

Я замечала, что Наташа не сильно спешит домой. Она посещала все возможные кружки, лишь бы дольше оставаться в школе. Я ругала себя последними словами за то, что раньше не заметила этого физического недостатка у девочки. Куда я смотрела? Просто не ожидала, что такое может быть. Физически полноценным людям сложно представить, как живут калеки.

Почему-то вспомнила, как помогала своей одгруппнице Ларисе в институте писать курсовую о сложности социализации инвалидов на колясках. Чтобы не оперировать пустыми фразами, списанными с чужих статей и книг, Лариса придумала эксперимент: раздобыла инвалидную коляску, вселась в нее и отправилась по городу колесить, как бы это делал рядовой инвалид, выбравшись из дому. Я выполняла роль поводыря, помощника. Сначала смеялись, затем ругались на службы ЖКХ и т.д., а потом и до слез дошло. Не приспособлен город принять и социализировать инвалида. В лифт коляска не влезала, по ступеням скакать – тоже не выход, в переходах сложно, пандусов возле магазина «Хлеб. Молоко» нет, в аптеку хоть влетай. Добили подростки, которые мчались по тротуару на скейте, а коляска им мешала – тротуар оказался узким.

– И че этой инвалидне дома не сидится, – сплюнул в сторону (спасибо, что не в лицо) и зло зыркнул паренек лет десяти, не больше. Надо же, ему пришлось слезть со своего скейта и понести цапку в руках двести метров! Я «такое счастье» воспитывать как-то не решилась, а вот Лара подорвалась со своей коляски, разрушив миф беззащитного инвалида, и отвесила обидчику тумачков под зад. Убегал и матерился, чуть скейт не потерял.

Это, наверное, был первый случай, когда я серьезно задумалась о беззащитности и униженности физически ограниченных людей. Теперь я ближе столкнулась с данной проблемой.

Наташа как-то осторожно наблюдала за моими реформами в классе, а я не знала, как себя с ней вести, боясь ранить своими расспросами или повышенным вниманием к ее недостатку. Поэтому после моего извинения мы еще месяц смотрели из-под лба друг на дружку. Все изменил случай.

Я как-то засиделась вечерком, сочиняя сценарий к литературному мероприятию. Нужно было переделать несколько песен на современный лад и подобрать музыку к выступлениям девятиклассниц. Наташа словно ниоткуда появилась в дверях кабинета и тихо спросила:

– Вам ничего не нужно помочь, София Константиновна?

Бедный ребенок. Когда все кружки закончились и дети разошлись, в школе осталась лишь я со своим сценарием. И она из двух зол – дом и я – выбрала меня. В тот вечер мы весело смеялись и шутили, когда вместе составляли сценарий. При виде этой худенькой девчушки мне всегда хотелось ее накормить. Вот и тогда достала бутерброды, отлила чаю из термоса, угостила пряниками. Ребенок ел, а я радовалась. Вот и пришло время, когда я поняла свою бабушку, которая все время кормила и любила радоваться, когда дети кушают.

Так приятно мне никогда не было, как работать с этой девочкой. Наташа потихоньку сказала, что пишет стихи и даже пообещала показать. Я еще раз извинилась за свою бестактность. Она понимающе закивала головой и поспешила домой. Я вызвалась ее провести, хоть и жила Наташа в соседнем со школой доме. На душе у меня прояснилось, поскольку на одного обиженного на меня ребенка стало меньше. Это так приятно и очень успокаивает, никогда бы не подумала.

Прошло время, и Наташа сама показала мне спрятанную в рукаве правую кисть без пальчиков. Пальчики были, но недоразвитые, небольшие бугорки. И мне почему-то стало так больно, словно этот недостаток несправедливо достался этой девочке.

– Очень мешает? – спросила я.

– Нет, что вы. Люди вон без рук и ног живут. А я так, немножко. Просто не повезло, – а в глазках собрались слезы.

Наташа в классе была самой незащищенной (маленькая, да еще и калека), поэтому ее все старательно охраняли. И если, бывало, что кто-то из меньших дразнился, непременно получал подзатыльник от мальчишек – одноклассников Наташи. Я даже заметила, что Славик Кондрачук волновался за спокойствие Наташи больше всех. Нет, парень не афишировал какого-то особенного внимания, но зоркий глаз и женская интуиция симпатию сразу распознает.

Постепенно я узнала, что Наташа живет с отцом и матерью. У последней патологическая тяга к спиртному. Отец постоянно борется с зависимостью жены, в результате чего в доме постоянная ругань и напряженная атмосфера. Наташа – единственный ребенок. Сплетни даже донесли, что маме Наташи перевязали трубы, чтобы она больше не могла родить, боясь больших патологий у детей.

О матери Наташа говорила с теплом и любовью, показывала мне ее портреты (сама нарисовала), но встретиться с этой женщиной мне не пришлось. Дежурный визит к Загорским (для

заполнения социального паспорта) я нанесла в ноябре. Меня встретил приятный симпатичный мужчина, угостил чаем с плюшками, которые сам испек, и разговор наш вращался вокруг успеваемости Наташи.

– Она всегда была такой худенькой? – поинтересовалась я. Леонид Матвеевич понял меня правильно, улыбнулся:

– Она хорошо ест, голодной не держим. Просто, как птичка. Мало. Девочки меньше едят. Мы проверили, у нее с желудком все нормально и гемоглобин в норме. Особенности организма.

– Простите, что вмешиваюсь, но вы не думали об операции?

– Думали. И не один раз. Вы, вероятно, слышали, у нас мама требует много финансов. Вот сейчас в санаторий отправили, – оправдывался отец.

– Понятно. Хочу обрадовать вас, Наташины рисунки, участвовавшие в конкурсе «Мое будущее», победили в районе, пойдут на город. Она очень талантливая девочка, – перевела я тему. Папа просиял, куда-то убежал, а потом вернулся. В руках он держал большой портрет. Мой.

– Только не говорите, что я вам его показывал. Она людей не рисует. Обычно, кошек, собак, зверюшек разных. Из людей только меня, маму и бабушку, два года назад похоронили. И вот вас. Стихи ее читали? Она говорила, что собирается показать вам. С 8 лет пишет. Как взрослый человек. Я сначала нашел, думал чьи-то. Оказалось, ее.

Стихи Наташа доверила мне в начале декабря. Протянула так нерешительно общую тетрадку и виноватым голосом сказала:

– Если что непонятно, почерк плохой, я потом скажу.

Мне было все понятно. А где неразборчивые буквы не давали прочесть правильно слово, интуиция и рифма подсказывали. Это были не стихи, это был комок чувств, по которому можно было понять, как этот человек воспринимает мир. Я не верила, что эти строки писала 15-летняя девушка.

Боль приходит в одиночестве,
Боль приходит в тишине.
Когда жить уже не хочется.
Боль живет в самой тебе.
Нет у боли расписания,
Нет каникул, выходных!
Думаю, что боли нравится,
Заставать нас в печали одних.
Да, у боли нет сожаления,
Радости нет, надежды и тепла!
Боль сама по себе вдохновение!
Не правда ли?
Я уверена, что – да!

Глава 8 Сашка Вигура

*Быстрый, веселый, заводной,
Прикольный Сашка и смешной,
Роль клоуна ему под стать,
Парию в цирке б выступить!*

Как аксиому можно воспринять утверждение, что в каждом классе непременно есть ученик (очень редко это ученица), который успешно и с азартом выполняет роль клоуна. Кого-то развлечь, над кем—то качественно стебнуться, урок сорвать показательными выступлениями. И все это он делает смешно, прикольно и с размахом на большую аудиторию. Таким клоуном в 10-Б был худющий рыжий Сашка Вигура. У него и прозвище такое было – Клоун. Тоненьким голоском (умел голоса пародировать, как и поведение отдельных людей) Сашка пищал:

– Свет вырубили шахтеры, уроки будут сегодня во дворе! – и залиvisto смеялся. Свет вырубили не шахтеры, а мячиком в щиток попали старшеклассники. Уроки все равно были, только сокращенные.

Поначалу его поведение меня забавляло. Тем более, что Сашка был больше похож на доброго клоуна. Я его к доске вызвала сложное предложение разбирать, а он схватил розовую лейку (девочки принесли) и помчался вприпрыжку вдоль подоконников комнатные цветочки поливать, напевая смешную песенку из мультфильма:

- Раз ромашка, два ромашка, три ромашка – трям!
- И что это ты вытворяешь? – спрашиваю.
- Так ведь засохли. Они же живые. Кушать всем хочется.

Второй случай произошел уже после уроков. Провела занятие, напротив колонки Вигура Александр поставила энку, потому как «артиста» не было на уроке, и тут же решила проверить тетради, чтобы не оттягивать в долгий ящик – все равно придется. Вдруг слышу:

- Пи...пи...пи..., – и шорох в шкафу. Я туда – Вигура сидит. Лыбится.
- Я думал, испугаетесь мышки, убежите, а я проскочу... потихоньку.
- Ты что же, весь урок в шкафу просидел?
- Ага.
- Зачем?
- Боялся, что вызовете, двойку за домашку вклеите. Я не сделал.
- Влеплю. Двойку. Но за поведение.
- Ура-а-а! Не за домашку! – и убежал.

Иду по коридору, вижу танцующего вальс мальчишку со скелетом – не удивляюсь, что Сашка. Больше бы, наверно, удивилась, если бы не он.

– Достойной партнерши не нашел? – спрашиваю.

– С этим поспокойнее, – отвечает и дальше кружится.

– В курсе, сколько это наглядное пособие стоит? Если сломаешь – сам будешь его роль выполнять, – угрожаю. Смотрю, пошел ставить скелет на место в кабинет биологии. Растут дети, раньше только черепами игрались, теперь скелеты таскают.

Наслушавшись от учителей жалоб и перечитав горы литературы о том, что можно сделать с таким самородком, начала проводить эксперименты.

В начале урока спрашиваю Сашу, хвалю за помощь, внешний вид, успехи по другим предметам, просто стою рядом и глажу по голове. В книгах пишут, что такая порция внимания даст возможность провести оставшееся время урока нормально. Ага, щас! Он продолжает портить нервы при любой порции внимания.

Применяю метод «тайного уговора». Оставляю после уроков и объясняю, что его постоянные выходки меня злят, расстраивают, остальные дети от этого сильно страдают. Кивает головой, соглашается, но утро дарит новую дозу адреналина и выходок Саши.

– Ну я же просила, – с мольбой обращаюсь к массовику—затейнику, одевшему рубашку задом наперед и кричащему на весь второй этаж, что он сбежал из дурдома.

– Я не хотел. Оно как-то само. Что я сделаю? – наивные глаза и типа раскаялся.

– Жанна Григорьевна, у вас такие циркачи есть? – обращаюсь в последнюю инстанцию.

– Есть.

– Что делаете?

– Выгоняю из класса. Не выходит – вывожу. Быстро, кратко и решительно. Сама продолжаю вести урок. У таких гастролеров нужно убрать зрителей. И причина представления исчезнет. Один был пару лет назад, Миша Сильный. Нервный парень. Никак не могла вывести из класса. Ухватился за парту и орет « Не имеете права! Я хочу урок слушать! ».

– И что? Директора позвали, завуча? Милицию? – интересуюсь, опыта набираюсь, если уж сама такая «зеленая».

– Никогда такого не делала. Вывела класс в коридор и сама вышла. Урока не было, но и Миша понял, что на него управа есть. Зато я ему устроила в 11 классе экзамен, запомнил, думаю, надолго. И другим передал, чтобы к расплате готовились.

Обычно проказы Саши были безобидными и наивными, иногда слегка глупыми. Но как-то его сильно занесло.

Произошло все на уроке украинской литературы. Преподавала этот предмет в моем классе Наталия Владимировна, женщина лет сорока и весом (не буду врать), но более ста килограмм точно. В разрез мнению, что все полные люди в основном добрые, она была достаточно сурова и очень требовательна. Дети ее жуть, как не любили. В основном, за частые резкие западьянки. То она двоек в конце четверти понаставит, то на каникулы по три сочинения писать задаст. Отличникам приходилось сложнее всех. Но самое страшное было даже не это. Как говорили дети, Наталья Владимировна была поведена на таком виде работы, как изучение наизусть отрывка из прозы. Ученики и поэзию-то учили, скрипя всеми зубами, а тут пять раз на год заставляли учить прозу. На этот раз она задала выучить отрывок из произведения Олесь Гончара «Собор».

Все, кто учил дома отрывок, повторяли в начале урока, а кто не учил, пытался хоть что-то зазубрить за 5 или 10 минут до определенного момента, когда вызовут. Тогда такой горе – ученик коряво что-то повспоминает, какие-то фразы выдаст и привсеклассно объявит, что:

– Тяжело учить. Три дня, как идиот, учил и ничего в голову не лезет.

– И не залезет. Потому, что пусто в твоей башке, – подытожит учительница, но тройку нарисует – учил ведь, что-то делал. А ученику того и надо.

Сашка сидел подозрительно спокойно: не повторял, не волновался. Это Наталию Владимировну очень зацепило за больное место:

– Вигура – самый умный? Ему и повторять не нужно, да?

– Ага, – расплылся в улыбке Саша.

– Тогда вас, Вигура, и слушать будем, – учительница уже наслаждалась в предчувствии счастливого момента, когда вклеит очередную двойку.

Нужно отметить, что исходя из общения с этой женщиной, я начала ловить себя на мысли, что, вероятнее всего, не хотела бы учиться у такого преподавателя. Благо, все мои учителя не то, чтобы боялись, а с большой неохотой ставили двойки. Сначала выводили нелюбимую оценку карандашом, чтобы ученик имел возможность пересдать, исправиться. И так радовались, когда мы эти двойки пересдавали или закрывали лучшими оценками. А еще чаще учитель тянул нас за уши хотя бы до троечки, лишь бы не ставить ту несчастную двойку.

Наталия Владимировна, видать, подпитывалась от энергии, которую вырабатывал детский организм, когда она выводила жирной краснющей пастой толстенную двойку на полдника.

– Олесь Гончар, «Собор», отрывок, – покривлялся Вигура.

Я помню чудное мгновенье

Передо мной явилась ты...

Наталия Владимировна покраснела, потом побледнела, а затем переварила свой гнев и выговорила:

– Не с той оперы отрывок, юноша. Читайте «Собор»!

Саша совершенно спокойно начал читать сначала «Белеет парус одинокий», потом письмо Татьяны Лариной. У парня отличная память на поэтические произведения русской литературы, а вот с «Собором» – никак. Не та аура, планеты не сошлись, полнолуние помешало. И вот когда он задорно начал декламировать: «Раз в крещенский вечерок девушки гадали...», Наталья Владимировна поднялась со стула (зрелище: вулкан готовится к извержению) и как заорет на весь класс:

– Тихо-о-о-о!!!

Все затихли, словно мыши, а Саша засмеялся. Тогда учительница как грохнула кулаком по столу. Вот теперь в классе настала гробовая тишина, затих даже Саша. Спустя несколько секунд послышался треск, и по столу пробежала трещина... стол из ДСП развалился на две половинки, а учительница упала без сознания.

Я увидела старосту Лену с девочками в учительской, и у меня заледенело все внутри, настолько они были перепуганы, когда просили вызвать скорую. Я думала, что скорая увезет и меня.

Наталья Владимировна пролежала месяц в больнице с нервным срывом и сломанной рукой, а когда вернулась, то навсегда отказалась от моего класса. Класс Сашке был очень благодарен, но только некоторое время. Неделю на месте уроков украинской литературы и языка ставили замены на другие предметы, часто приходилось проводить классные часы и мне. Никто не хотел брать освободившиеся часы, а предмет важный.

– Ну что, доигрались? – спрашивала серьезно у всего класса.

– А че мы? Это Сашка, – переводили стрелку, придерживаясь любимого «моя хата с краю, ничего не знаю».

– А то, – начинаю объяснять. – Он чудил, издевался над учителем, а вы все смотрели и смеялись. Весело было? А теперь? Это соучастие, дорогие мои. Тоже наказуемо.

– Так что, прибить Сашку? – нашли решение. Недолго думали.

– Прибить – грандиозный вариант. А еще версии?

– Выгнать из школы? – это девочки так креативно.

– Я больше так не буду, – плакал Саша, писал на доске, рисовал плакат. Но я понимала, что все эти высокохудожественные раскаяния и его умильное личико не должны сделать так, чтобы я забыла и не наказала. Нужно было гнать свою линию: школа – не место для безобразий, правила для всех одни, и им нужно следовать.

– Саша, я к тебе прекрасно отношусь, но ты сам понимаешь, перегнул палку. Я и все остальные учителя не хотим терпеть такое твое поведение.

– И что? – ждал своего приговора Саша.

– Ничего. Решит педконсилиум, – по выражению лица поняла, что парень в растерянности.

– Что – то слово такое страшное. Это че? – интересуется.

– Учителя соберутся, и будут решать, как тебя наказать.

Решено было, что Саша недельку будет учиться не в классе, а в гордом одиночестве, в уголке кабинета завуча. Его завалили заданиями все учителя, и парень пыхтел над учебниками, стараясь исправиться. Но по истечении срока наказания Елена Дмитриевна взмолилась:

– Забирайте этого циркача, а то ж никакой работы. У меня от анекдотов его челюсть сводит и брюшной пресс болит. Сутра до обеда смеюсь, как идиотка.

Глава 9 Родительское собрание

*Профессия родителя
Во сто крат трудней, чем все!
Не зря, как на заклатие,
И как на страшный суд
На школьное собрание
Родители идут.*

(В. Б. Панова)

В конце сентября должны были пройти общешкольные родительские собрания. Я начала готовиться еще за неделю до сего мероприятия. Расспросила многих бывалых учителей, как те проводят, что говорят, проконсультировалась у завуча, что необходимо обязательно сказать, что сделать. Пришлось посидеть, выписать все оценки моих учеников, которые те успели заработать за сентябрь.

Из своих школьных лет помнила, что большинство детей подают дневники только на «4» и «5». Когда учитель желает выставить баллы похуже (особенно красивый кол и менее красивую двойку), дневник оказывается забытым дома, даже если он, ни о чем не подозревая, лежит преспокойненько в портфеле, спрятан под партой, еще куда—нибудь мастерски засунут, на лихой конец отдан соседу (другу) на сохранение.

Некоторые умельцы (особенно трудолюбивые) вели два дневника: один – для родителей, второй – для плохих оценок. В общем, информация о реальных оценках до некоторых родителей от их чад не доходила. Моим заданием было донести эти вопиющие факты, дабы те узнали и предприняли меры.

Записала я всем ученикам класса в дневники о том, что в четверг в 18.00 в кабинете №214 будет проводиться родительское собрание.

- Мои не придут! – заявил первым Юра Гагарин.
- Почему? – спросила озадачено.
- Работают. До 8 часов. На 6 вечера никак не успеют, – объяснил.
- А отпроситься? Собрание раз в четверти бывает, – предлагаю вариант.
- Дохлый номер.

Еще трое тоже были не уверены, что родители будут. В результате в четверг к 18.00 было всего 18 родителей. В основном, мамы. Только три папы и одна бабушка Евдокия Степановна. Я опечалилась. Но зря. Как мне сказали потом дети, это был аншлаг. За последние пять лет столько много не приходило.

– Это они на вас пришли посмотреть, – демонстрируя свою коронную улыбку, сообщил Вигура Саша.

– А что на меня смотреть? Не экспонат ведь в музее, – не понимала я.

– Ну, у нас таких класух по ходу не было еще, – объяснил Дима Скворцов, краснея и млея. Я не стала спрашивать «каких?», чтобы не нарваться на комплименты.

Что касается самого собрания, то почти полчаса выбирали родительский комитет. Никто не хотел тащить этот груз, поэтому пытались спихнуть на кого угодно. Наконец, папа Лизы Гаврилюк Федор Степанович и мама Ковальчука Артура Виктория Андреевна «сдались на милость» собравшегося общества, и я поставила галочку в первом пункте повестки дня (скорее, вечера).

Второй пункт – успехи деток. Здесь я много не говорила, просто раздала бланки с оценками. Мол, поглядите и от чужих глаз спрячьте, если что. Какое там спрячьте. Две минуты изучали оценки своих чад, а потом сами же начали друг другу показывать, охать и ахать, обещали показать дома своим детям, где раки зимуют. Я сильно переживала за бабушку Юры Гагарина – Евдокию Степановну. Бедная женщина как увидела пять двоек своего ненаглядного внука по алгебре и четыре по геометрии, ее прорвало. Обычно, дар речи теряют, а ее понесло в разговор – обратная реакция.

– Ой, людоньки, что это? Юрочка ж так учил теоремы и книжки читал, я сама слышала, а тут на тебе, двойки! – голосила старушка. В многоуровневой тираде Евдокии Степановны улавливался смысл «учительница недооценивает ее гениального внука». Я пообещала разобраться, за какие такие грехи у Юры образовался этот взвод двоек. Позже оказалось, что Юра теоремы то учил, но задачи никогда не делал.

Дальше наконец-то наш класс нашел папа Славика Кондратюка, Евгений Терентьевич и в слегка нетрезвом состоянии, выдыхая сплошной перегар, вселся за пустую первую парту. Через пять минут весь класс был пронизан его зловониями. Мне пришлось открыть окно.

Родители оживленно вели дискуссию на тему «Некогда заниматься с детьми», мол, работа, приходят уставшие, злые, вечный поиск денег на пропитание и одежду. Мама сетовали, что папы не помогают, а еще и обеды, ужины готовить нужно, на себя времени нет, не то, что на детей.

Чтобы как-то разрядить атмосферу, которая напряглась, я раздала всем родителям листики – анкеты с просьбой заполнить, отвечая на поставленные вопросы.

В анкете (кстати, стандартной, из журнала «Спутник классного руководителя»), я выпишала вопросы. Спрашивались фамилии, имена и отчества родителей учеников, место их работы, специальность, возраст братьев и сестер, музыкальные инструменты в доме, магнитофонные записи, спортивные снаряды, чем занимаются члены семьи в свободное время.

– А я и не знал, что здесь клуб по интересам? – наконец-то кто-то выкрикнул, дойдя до вопросов о хобби. По общим чертам лица поняла, что это папа Кати Алентовой. Я терпеливо и толерантно объяснила, зачем мне все это нужно. Замолчали, и только слышно было, как ручки шелестят по бумаге. Дальше было веселей.

– А знаете ли вы, с кем дружат ваши дети? – проронила я риторический вопрос, и в классе воцарилась немая тишина. Родители думали. Одна мама не стерпела:

– Такой лоботряс вырос, что я за ним и теперь смотреть буду?

– Какие сложности есть в семьях по воспитанию детей? – еще один глупый вопрос из того трижды неладного журнала, чтобы я в него еще когда —либо заглянула.

– А вы что, помогать воспитывать собираетесь? Вам в школе мало работы? – как-то недружелюбно выкрикнула мама Лены Новиковой. Вот откуда у Лены эта резкость. Девочка была копия мамы в молодости.

– Я считаю, это наша общая цель -воспитывать. К примеру, актуальный вопрос: какими действиями вы добиваетесь послушания?

Да-а-а, не стоило задавать такой вопрос: чего я только не наслушалась. Большая инквизиция Средневековья просто отдыхает.

– Ставлю в угол на гречку с пяти лет...

– Закрываю на полчаса в туалете...

– Бью веником, шлангом от пылесоса, тряпкой по мордыке...

– Неделя под домашним арестом без просмотра телевизора...

– Поломала любимые кассеты, выбросила гитару, чтоб не бренькал...

Ужас! Это родители! Я автоматически провела последний вид работы по плану – родители записали на листиках пожелания и вопросы ко мне как к классному руководителю. Дальше поблагодарила родителей за то, что пришли, назвала тему следующего собрания, которое состоится предположительно в декабре, и отпустила. Уже из коридора услышала не очень приятное:

– Битый час неизвестно на что потратила. Сериал свой любимый пропустила. А там Луис Альберто Марианне предложение делать собирался. Дурня эта их родительские собрания...

– Ага, дурня. Только позоришься всегда. Вот приду домой, своему увалу за двояки. Вчера деваху какую—то привел, все из холодильника выжрали. Сегодня опять до полуночи готовить придется.

– Моя тоже за мальчиками бегаёт, аж трусится. Хоть в доме закрывай.

Слушала и не понимала, как так можно. Вспомнила своих родителей. Всегда во всем помогали, когда получала плохие оценки, не ругали, пытались разобраться в причине, вместе исправляли. Мне было странно, что такие мама с папой, как у меня, не у всех.

Родители ушли, я подготовилась к следующему дню, сложила необходимые конспекты, учебники, проверила, закручен ли кран, политы ли цветы, закрыла кабинет и пошла домой. Возле школы на пороге стоял в темноте мужчина. Я узнала в нем папу Димы Калашникова. Увидев меня, он выбросил недокурную сигарету и галантно предложил провести домой,

поскольку уже темно и поздно. Я согласилась, потому как, правду говоря, и сама немного побавалась. Тем более, что папа Димы, Виктор Андреевич, показался мне мужчиной серьезным.

Боковым зрением я увидела две фигурки – если бы не Виктор Андреевич, то они бы конвоировали меня и сегодня. Но, видимо, поняв, что нашелся другой провожатый, они на каком-то этапе дороги исчезли.

Всю дорогу мы с папой Димы проговорили о тяжелом учительском труде, о том, как изменилась и продолжает меняться школа, как сложно воспитывать нынешних детей.

Виктор Андреевич рассказал о своей работе водителя директора фирмы. Одним словом, говорили по душам мы так, пока я не заметила, что он легонько обнял меня за талию. Сразу стало как-то не по себе, но поведение мужчины было настолько однозначным, что вариантов просто не было. Я аккуратно убрала его руку и соврала:

– Спасибо, что провели, я уже пришла, – мы как раз остановились возле какой-то пятиэтажки.

– Не хочу показаться навязчивым, но вы бы не пригласили меня на чай? – спасибо Богу, было так темно, что я не видела его глаз, а то бы сторела со стыда. Я знала, что с такими людьми необходимо вести себя аккуратно и никак не агрессивно, хотя первым порывом было вмазать по наглой роже.

– Боюсь, что мой отец неправильно меня поймет, если я приведу мужчину, которого почти не знаю, домой, – соврала, и глазом не моргнула.

– А папа у вас кто? – интересовался отец моего 15-летнего ученика.

– Мастер спорта по тяжелой атлетике, – это я зря так перестаралась. Виктор Андреевич понял, что я веду игру, поэтому улыбнулся, приблизился ко мне и сделал попытку поцеловать. Но я освободилась из его объятий и убежала в подъезд. Вдогонку мне прозвучало:

– Да не корчила бы из себя недотрогу! Знаем мы вас, учительниц...

Я добежала до последнего этажа и даже залезла на чердак, боясь, что «мой ухажер» не ушел и, возможно, стоит возле подъезда.

А еще больше я боялась, что он помчится следом. Сердце сильно колотилось, готовясь выскочить из груди. Такого поворота никак не ожидала. Это было сильное унижение.

Не помню, сколько я просидела на том чердаке, но потом на свой страх и риск слезла, потихоньку спустилась на первый этаж, выглянула из-за слегка приоткрытой двери и растворилась в темноте. Только когда дошла домой и закрыла за собой дверь, смогла облегченно вздохнуть. Вот так закончилось мое первое родительское собрание.

Папу Димы Калашникова я больше никогда не видела ни на родительских собраниях, ни просто где-нибудь. Позже я узнала, что Виктор Андреевич – жуткий бабник и с женой они постоянно ссорятся по причине его бесконечных романов. Мирил их всегда сын, которому очень хотелось, чтобы родители жили вместе.

Глава 10 Покой мне только снится

*Учусь терпеть, учусь терять...
И при любой житейской стуже...
Учусь с улыбкой повторять:
Прорвусь! Бывало и похуже...*

В любой работе наступает такой момент, когда останавливаешься и пытаешься разложить все по полочкам или хотя бы задать себе вопрос: «Зачем все это?».

Когда меня спрашивал отец, какого рожна я так парюсь в школе, я отвечала нечестно, но аргументированно: «Диплом отрабатываю!». Для непосвященных, после окончания учебного заведения нужно отработать три года по специальности, чтобы диплом не превратился в красивую, но ненужную бумажку. Себе ответить на вопрос, что меня удерживало в школе, было намного сложнее. Какая – то внутренняя потребность развилась, сродни болезни. Действительно, я заболела школой.

На второй неделе моей педагогической работы в стенах школы довелось стать свидетелем интересной ситуации. Неделя подходила к концу, и пятница обещала завершиться вечерней порцией мороженого и вкусным ужином. На большой перемене, когда вся школа сбегалась в столовую и старшие начинали гнобить меньших (корни нашей дедовщины еще в детском садике), я решила отнести журнал 8-А в учительскую. Услышав тихое всхлипывание под ступенями, несмело заглянула туда и увидела пятиклассницу Вику Золотухину. Этот тихий ребенок никогда не привлекал к себе внимания, но вроде ее никогда и не обижали. На мои порывы выяснить причину слез, Вика оттолкнула меня и убежала. В душе остался гадкий осадок. После уроков я закрылась в подсобке проверять тетради и стала свидетелем очень интересного разговора дежурных девочек—пятиклассниц.

– Да ты что? И ты уверена? – спрашивала одна.

– Голову даю на отсечение, все они инопланетяне. На себя надели человеческую кожу, поэтому похожи на людей. А если сбросят и как засветят глазами – лазерами, то испепелят до костей, – пугала своими фантазиями другая ученица.

– А че тогда не уничтожили всех до сих пор? – резонно спросила первая.

– А учить они кого будут? У них потребность такая – учить.

– Ага, и то правда. А как проверить?

– Ты подойди и сдери парик. За ним и шкура слезет, – перепуганным голосом убеждала вторая девочка.

– Откуда знаешь? – интересовалась первая.

– Золотухина рассказала. Она по телеку видела. У них батя поставил такую круглую большую тарелку, поэтому каналов до фига. Такое рассказывают...

В этот момент у меня выпала из рук ручка (представила, что по телеку рассказывают!), девочки услышали и убежали. А я не знала: то ли смеяться, то ли плакать? Поняла три вещи. Первая – очень вредно иметь много каналов, засоряет маленький мозг несформировавшейся психики ребенка. Второе: дети видят в учителях инопланетян и угрозу их существованию. Третье: необходимо срочно пойти к Золотухиной и доказать, что учителя – не инопланетяне, потому что скоро она запугает всю школу. Как убедить? Да хотя бы дать возможность содрать парик.

Вспомнилось, как говорила моя прекрасная учительница украинского языка и литературы Анна Павловна, что в каждом классе или коллективе есть лидер, от которого зависит и настроение, и поведение, и атмосфера класса. С этим лидером либо нужно подружиться, либо его придется убрать, чтобы не мешал. Я собиралась идти и дружить с Золотухиной, чтобы этот, насмотревшийся фантастики ребенок, не пугал всех детей школы.

С пятиклассниками – не так сложно. Там можно было четко и быстро определить лидера вместе с проблемой. Сложнее со старшими. К примеру, в своем классе я не видела лидера. Нет, он был, должен был быть, но я его не видела. Все ученики класса казались не достаточно подходящими для этой роли, не способными взять на себя руководство.

– Через неделю будет проверка классных уголков, – огласила я распоряжение завуча по воспитательной работе своему 10-Б во время классного часа. Все лениво посмотрели на меня, вот только не сказали «а нафига это нам?». Говорить и не нужно было. Я все прочла на их безразличных лицах.

– Нужно обновить уголок, сделать более ярким, каким—то взрослым, а то куча детских игрушек нарисована. Вы уже 10 класс. Кто хорошо рисует? – предлагала новый фронт работы.

– У-у-у! – загудел класс. Посидели так минут десять, никто не захотел браться за рисование. Тогда я еще не знала, что Загорская Наташа – настоящий художник, да и сама Ната боялась меня, в душе считая, как и Золотухина, минимум драконом, по утрам перевоплощающимся в учительницу, максимум – пришельцем с неизвестной планеты.

Не скажу, что я была в диком восторге от того, что все выходные мне пришлось придумывать концепцию класса и выплескивать ее на куске ватмана. Вскоре так увлеклась, что получилось очень даже ничего. Зарисовала ватман темно-синей гуашью, накрапала белой краской якобы звезды и расставила условные планеты вокруг солнца. В верхнем правом углу яркое название «Галактика 10-Б», ниже список учеников, левее кармашек для актива класса, еще ниже место для открытки, чтобы поздравлять именинников.

Уголок 10-Б получил первое место в конкурсе школьных уголков и меня при всей школе на линейке поздравляли с прекрасной работой. И вручили большой торт, якобы для класса, который неплохо поработал. На лукавый вопрос Славика: «А когда жрать тортик будем?», я тоже уподобилась до уровня моих подопечных и нагло ответила:

– Вы – никогда! Это мне за мою работу.

Не поверили. Все же ждали, что передумаю и угощу. Решила, если уж воспитывать, то до конца.

– Дети, в пятницу генеральная уборка в классе, – огласила в четверг, наперед зная, что никто не придет. Ничего, я сама под музыку убрала, а в понедельник на уроке обратила внимание всех учеников, насколько стало чище и свежее. Возможно, мне показалось, но в некоторых глазах присутствовал стыд.

– Через четыре дня конкурс патриотической песни. Что будем петь и кто? – сообщила и жду реакции. Никто в классе не отреагировал. Я уже начала сомневаться в действенности метода «учи на собственном примере». Мне эта гульня все больше напоминала сказку «Колобок»: Петух пашет, Мышата бесятся от дури. Решила подойти к завучу и объяснить, что класс в смотре патриотической песни участвовать не будет, потому что ничего не хотят делать.

– Да вы что? Как не хотят? На концерте гости из РОНО будут! Заставьте их как-то. Повлияйте, – ждал меня ответ.

– Но как их можно заставить? – растерянно разводила руками я.

– Я не знаю. Чему вас в институте учили? Придумайте что-то. Делайте что хотите, а номер должен быть!

И что здесь сделаешь? В первые два часа у меня была легкая паника с внутренним монологом: «А не бросить всю эту школу к чертям собачьим и жить свободной и счастливой?» Потом, медленно шагая домой, купила мороженое и, наслаждаясь вкусом клубничного десерта, пересмотрела свои позиции.

Неужели я зря училась в музыкальной школе по классу фортепиано? А как пела на капустниках в институте! Все затихали и слушали, слушали... Потом бегали за мной и просили спеть еще. Никто и не подозревал, что многие песни сочиняла сама. Какие были времена! И чтобы я да не знала патриотической песни? Да сколько хочешь! Как только добралась до квартиры, бросилась искать в песенниках текст своей любимой «Алеша» о Болгарии русском солдате. Даже если бы не нашла тетради, в которую вписывала все полюбившиеся песни с нотами, все равно в памяти четко всплыло:

Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алёша,
Алёша, Алёша,
Стоит над горою Алёша —
Болгарии русский солдат.

Пару раз осталась после уроков и порепетировала в актовом зале с молодой учительницей музыки Зочкой, испробовав школьное пианино.

Когда от всех классов выступили, я набралась храбрости, вышла и огласила:

– К сожалению, ученики моего класса не знают ни одной патриотической песни, играть ни на чем не умеют и поют абы как. Поэтому взяла на себя эту миссию, – и, не дав завучу упасть в обморок, спела. О чем позже страшно пожалела. С тех пор, когда нужно и не нужно просили петь и выступать. Инициатива наказуема. Убедилась в который раз.

– Ну и какого черта было так позорить на всю школу? – сердито спросил Рома.

– А как с вами? Скоро КВН между 10 и 11 классами. Мне прикажете тоже за всех отдуваться самой? – рассержено спросила у своих подопечных. Те опустили головы.

– Ну чо сразу самой? Забацаем мы команду. И название уже готово – «Бешники!»

С того времени, как говорится, лед тронулся. Не все, не сразу, как мне того хотелось, а постепенно, присматриваясь, с боязнью мои детки начали жить школьными интересами, а не только своими.

Только все начало налаживаться с моим 10 классом, как сошел с катушек 8-А. Им показалось, что я была слишком суровой и требовательной, когда заставила переписать самостоятельную работу. Но ведь это язык, как можно быть такими безграмотными? Эти милые детки начали бороться со мной, как с колорадским жуком. Содержание борьбы состояло в методическом детском принципе: она нам делает плохо – мы ей сделаем тоже плохо, только втрое хуже.

Инициатором бойкота стал Витя Лобов, в классе для «своих» просто Лоб – сильный, напористый, но, как бы так выразится покорректнее, не очень умный и работоспособный лидер. Он предложил классу (мне потом рассказали ученики все того же 8-А): «Братва, когда литераторша войдет в класс, мы ее не слышим и не видим. Кричим, разговариваем, пишем, читаем. Делаем маленький бедламчик. Пусть покричит – мы не реагируем. Проверка на вшивость!»

А это был на всякий случай пятый урок. За предыдущие четыре я очень устала. Вот так вошла, а там мини армагеддон: стоит на весь класс хай, и на меня никто никакого внимания не обращает. По глазам детей, по фальшивой их активности поняла, что все это цирк чистой воды, вот только дрессированных мишек не хватает для колорита. Я даже поняла причину этого безобразия – не хотят переписывать самостоятельную.

Внутреннее «я» спрашивало: что делать? И действительно, а какие варианты? Наверняка крики и угрозы эти детки ожидают, поэтому вряд ли отреагируют, точно так же, как на угрозы «помиловать» и не выносить мозг уставшему педагогу. Звать кого—то из начальства для умирения – себя потерять в глазах того же начальства и в глазах детей тоже. А потом, что же тогда на каждый урок звать директора?

Креативность подсказывала и другие варианты. К примеру, симитировать потерю сознания: рухнуть здесь посреди класса и пусть побегают. Или два пальца в рот и свистнуть не хуже Соловья – разбойника (я ведь умею!) – чтобы плафоны отвалились. Дети этого не ждут, на минут пять столбняк гарантирован. Но где тогда этика? Я ведь учитель, пример для подражания. Опять палочка—выручалочка: хитрость – качественная дипломатия. Думала ровно пять минут, спокойно сидя на стуле (перед этим проверила его на наличие кнопок, клея и других приколов). Спасибо, Бог наделил меня фантазией. Как говорил мой старший братец: «Соня, ты личность творческая то творишь, то вытворяешь».

Взяла мел и большими буквами вывела на доске: «Минутку вашего внимания. Хочу поблагодарить». Детки удивились, утихли: они мне урок срывают, а я их благодарить собралась за что-то – невиданное действие.

– Вы насолить мне решили, дурачка свалить? Дело в том, что мне от этого только польза. Конечно, мне немного неприятно такое ваше отношение, но в любом случае мне заплатят зарплату, хотя я ничего вам не объясняю, экономлю силы и голос. Сейчас посижу на стульчике, отдохну, а зарплата мне идет и стаж для пенсии тоже – все так, словно я вам рассказывала и объясняла урок.

Спустя некоторое время информация дошла к их эгоистичному мозгу и на лицах выступила легкая форма ненависти: «Вот гадина, как чудесно устроилась – объясняет или нет, а зарплату все равно получает...» Потом самый сообразительный Витя Лоб (недаром он у них в лидерах) все же поинтересовался:

– А если директор зайдет? Мы орем, а вы сидите?

– А мне то что? Урока ведь нет не потому, что я не хочу, а потому, что вы не желаете, я не виновата – вина на вас. Влетит вам, – удачно перевела стрелки.

– Значит, вам хуже, если мы сидим тихо, а вы объясняете?

– Получается, что да.

– Все, братва, молчим, нормальный урок, – командует Витя Лоб и класс утихает. Все тянутся к учебникам, тетрадям, берут в руки ручки и некоторые записывают число и тему урока следом за мной.

Весь урок я думала только об одном: сработал бы такой прием в моем 10 классе? Вряд ли. Наверное, пришлось бы свистеть. Представила себя солдатом в каске и бронежилете. И долго мне так воевать с этими детками? Неужели всегда? Интересная работка. А мне всегда казалось, что работа учителя – самая легкая: пришла, поговорила, тетради собрала, проверила и после обеда свободна, как птица. И что интересно: большинство людей, отправив своих драгоценных чад в школу, именно так и думают.

Глава 11

Визит к родителям

*Это могло быть любовью,
Неземной, небывалой,
Это могло быть любовью,
Но так и не стало, не стало...*

Мама позвонила перед выходными и попросила приехать, жалуясь на то, что уже позабыла, как я выгляжу. Три последние недели я отнекивалась большим количеством тетрадей, огромной подготовкой и колоссальными объемами чтения различной литературы. Но теперь меня саму потянуло на малую родину, возникло жгучее желание побывать дома – родительский дом дает силу и энергию, а мне они были очень необходимы. Благодаря деткам чувствовала себя сильно выжатым лимоном.

Шумный вокзал, электричка и длинные два часа переезда. Я ехала в другую жизнь. Здесь, в столице, последние пять лет я жила как бедная студентка, а там, в родном городе, я была дочерью директора завода, большого завода, на котором работало две трети населения городка. Отец мой был очень умным и хозяйственным человеком, но все же царьком в городе. Он во всем пытался поддерживать статус. Вот и теперь за мной на перрон подогнули автомобиль – отец лично побеспокоился.

Пятикомнатная родительская квартира, как всегда, выглядела идеально. Брат с женой и маленьким сынишкой Ванькой – это своеобразная идиллия. Стол – большой рог достатка. Мама опять, как и в детстве, пытается запихнуть в нас побольше, а мы все, как на зло, мало едим и всего остается почти столько, сколько и было. Мама обижается, считая, что нам не нравится, как она готовит. Но это не так, потому, что мама готовит лучше всех.

– Ты там хоть варишь себе что-нибудь или чем попало перебиваешься? – больше всего интересуется маму именно этот вопрос. Она постоянно с болью в глазах изучает мою тоненькую фигурку.

– Я умею готовить, ма, ты ведь знаешь, – успокаиваю, но вижу, что не особенно верит. Как всегда, я – центр всеобщего внимания. Родным хочется многое узнать, как мне работаете учителем. Пытаюсь рассказывать смешные ситуации, поэтому всем весело настолько, что животы болят. И у всех складывается ложное мнение, что в школе работать легко и смешно. На самом деле – страшно, но если бы я рассказала все то, что написала выше своему отцу, то он бы вызвал отряд спецназа и меня эвакуировали со школы за 10 минут, не более. Без права возвращения назад. А школу, на всякий случай, продезинфицировали и проверили на наличие лишней живности, мышек, крысок, например.

После длительного, но приятного разговора, брат целует меня в щечку, мило прощается со мной и родителями, и они семьей уезжают в свой загородный домик, который Владик два года, как построил. Выполняет программу минимум: родил сына, построил дом, растит сад. Мы с родителями просматриваем некоторое время семейный альбом, а потом расходимся по своим комнатам. Так всегда, когда я приезжаю к родителям. Сценарий одинаковый до безобразия.

Моя комната выглядит точно так же, как я ее оставила, – ничего не изменилось. Мама только пыль вытирает и поливает мои любимые фиалки на подоконнике. А без меня они почему-то не цветут. Скучают.

Когда я осталась в своей комнате, то выключила свет и, укутавшись теплым мягким пледом, закрыла глаза. Память перенесла меня в тот далекий счастливый день, когда я встретила его...

Как порядочная девочка из интеллигентной богатой семьи, я должна была обязательно уметь играть на каком—нибудь музыкальном инструменте. Поэтому меня, десятилетнюю, отдали в музыкальную школу на класс фортепиано. В зале появилось дорогое каштановое пианино, а мне необходимо было после уроков ездить в другой конец города заниматься с учителем. В тот день я задержалась и опоздала на автобус. Раньше при таких обстоятельствах я звонила от учителя домой или отцу на работу, и меня забирал водитель. Редко сам отец. Но в тот день, уже вечер, я почувствовала себя взрослой и решила: ничего страшного – люди же ходят как-то пешком. Ага, только не с моим везением. Как в классическом фильме, меня остановили двое подростков, забрали сумочку с деньгами, сняли дорогую куртку и золотые серьги с кулоном. Возможно, еще что-то плохое бы сделали, но появился он, – Макс. Подростки как только увидели Макса – исчезли, словно их и не было. Сначала Макс мне показался большим и еще более опасным, чем те двое, что дали деру. Но я боялась Макса до того момента, пока он не сказал приветливо:

– Не туда зашла, крошка?

– Точно, – подтвердила я, отбрасывая волосы назад. – Наверное, нужно было брать уроки каратэ, а не музыки.

Макс засмеялся, заметил, как дрожу от холода, снял свою, пропахшую бензином курточку, и набросил мне ее на плечи. Именно тогда, в то мгновение, я в него и влюбилась. Нет, не потому, что он меня спас от бандитов. Просто я такого парня никогда не встречала. Он словно сошел со страниц классического любовного романа: коренастый, широкоплечий, с густыми черными волосами и блестящими глазами – угольками, прожигаящими насквозь. А главное – этот бархатный голос, который завораживал, словно гипноз.

– Как тебя звать, малютка? – спросил он.

– София, но все зовут Соней. А вас?

– Максим, но все зовут Макс, – сказал он и мотнул головой в сторону гаража напротив переулка. – Моя авторемонтная мастерская в этом районе. Правда, не совсем легальная. Бог не подарил мне богатства, но дал хорошие руки. Ремонтирую машины.

– Вы спасли меня. Очень благодарна, – я улыбнулась и указала на себя. – Не большой подарок, но теперь я ваш должник. Мой организм вам говорит «спасибо», что остался цел.

Макс весело улыбнулся, оценив мой юмор:

– А ты действительно подарок, кукла. Ты мне нравишься, стильная девочка с хорошим чувством юмора.

– Вы мне тоже...

– Не зови меня на «вы». Просто Макс. И какие дела могли быть у золотой девочки в рабочем квартале?

– Шла домой от учителя музыки. Обычно, я ездила на автобусе. Вот решила пройтись пешком. Чувствую, как влетит от папы...

– Не похоже, что тебя родители бьют. А кто папа?

– Директор «Химмаша».

Макс присвистнул и добавил:

– Ничего себе... Сам Соломин Константин Степанович? А ты его дочь?

– Ага. А ва... твои родители? – поинтересовалась я в ответ.

– Батя в тюрьме уже пять лет сидит за кражу. Мама..., да ладно, – спокойно, словно это самое обыкновенное, что могло быть, сказал он. – Ты понимаешь, в какую нехорошую компанию попала, крошка? Я неподходящий парень для тебя. Твоя мама точно приказывала тебе держаться подальше от таких, как я.

– Но я тебя почему-то не боюсь. Ты же спас мне жизнь, забыл?

– Ну, не совсем жизнь. Максимум, на что эти двое были способны..., – он осекся, обвел мою фигурку своими черными глазами и резко спросил, – Ты вообще что ешь? Худющая, как моя кошка Марыся.

– У тебя есть кошка? Значит, ты добрый. Тебе не нравятся худые?

– Не-а, – честно ответил он.

– Тогда я начну прямо с завтрашнего дня есть много пирожных и растолстею.

Макс... Стоило мне закрыть глаза, как он представлялся мне – большой, сильный, нежный. Он умел смеяться только глазами, особенно тогда, когда я отвечала на его нежные прикосновения. Он был взрослым мужчиной, а я наивной девчонкой. С нашего первого свидания, когда я убежала из дому через окно (мы жили на первом этаже), один Макс сдерживал не только свои, но и мои порывы. Я всегда помнила его слова:

– Ты еще ребенок, – покусывая мои губы, дразнил он. – Маленькая моя, ты еще не готова для любви. Для физической любви. А душой я тебя люблю безгранично. Честно.

– Возможно, ты ошибаешься, – протестовала я, начитавшись любовных романов и мечтающая узнать поскорей мир физической близости.

– Я буду каяться всю жизнь, – не сдавался Макс, глядя волны моих шелковых волос.

– Но я очень сильно люблю тебя, Макс! – с мольбой шептала я.

– Люби. Мечтай и рисуй в своей фантазии все, что тебе угодно, – и он поцеловал меня, притянул к себе ближе. Впервые его руки коснулись к моей груди. – Маленькие мягкие бутончики, – прошептал он, дотрагиваясь губами к моим губам. Он был очень чувственный и не прятал это. Он всегда объяснял мне все свои желания, все физиологические процессы, которые с ним происходят. Он был для меня как сексуальная энциклопедия: доступно, нежно, деликатно и адаптировано Макс раскрыл мне мир физиологии женщин и мужчин, но теоретически. Хотя я видела, как ему тяжело сдерживаться. Но я училась в 10 классе, а он был 25-летним механиком с очень большим опытом отношений с женщинами.

Наверное, 15 лет – это возраст, когда нужно кого-то любить. Все мои одноклассницы уже шушукались и обговаривали свои влюбленности: кто в учителя физкультуры, кто в старшеклассника, кто в актера, кто, за неимением лучшего, – в одноклассника. У них были виртуальные герои, у меня – слишком реальный Макс, о котором я никому ничего никогда не сказала. Он был моей большой и самой ценной тайной.

Встречались мы с ним украдкой и то ненадолго. В основном, когда я возвращалась с музыкальной школы, то заходила к нему в гараж, и Макс увлеченно рассказывал о машинах, мотоциклах и всевозможной технике. Обещал научить ездить на машине, но не успел сдержать обещание. Всего два раза мы с ним сходили в кино: первый раз мы действительно смотрели фильм, а второй раз не до фильма было – нас вместе с поцелуем поглотила другая реальность, в которой час пролетает за минуты. Макс боялся, что узнают мои родители и будут против этих отношений. Он правильно боялся. Отцу рассказали, и он наслал на Макса своих охранников, которые сильно избили его. А со мной он провел разговор в очень грубой форме:

– Ну, ты, дочь, нашла себе кавалера, честное слово. Ты в курсе, что у него отец зэк, а мать проститутка? – кричал на меня отец. Тот отец, который до сих пор никогда не повышал голос на свою принцессу. Мама пробовала как-то защитить меня от нападок папы, но всю жизнь ей приходилось нелегко с упрямым характером мужа. А здесь и правда – он был прав. Меня закрыли на месяц под домашний арест. И никаких уроков музыки – учитель сама приходила к нам домой.

Макс выдержал без меня только неделю, а потом ночью влез через окно в мою спальню. Окно, правда, я ему открыла.

– Макс, я хочу быть твоей, – шептала я ему тогда.

– Ты опять за свое? Если хочешь, я просто зацелую тебя с ног до головы, но не больше, – он освободил мое тело от пижамы и покрыл такими поцелуями, что я еле не задохнулась в его объятиях, – Радость моя, какая же ты маленькая.

– Поэтому я тебе не нравлюсь? Потому что маленькая? – печально спрашивала я.

– Не нравишься? Да я просто дурею, когда вижу тебя. Вот годика через два, я думаю, будет на что посмотреть, а сейчас – ребенок—ребенком. И желания глупые, – смеялся Макс.

Прошло восемь лет, а мое тело все еще вспоминало то, как Макс впервые ласкал его. Никогда с того времени я не чувствовала себя так хорошо с мужчиной. Только Макс владел

моим телом и душой одновременно. Каждый раз, когда я пыталась отдаться какому-нибудь мужчине, эти воспоминания приходили, и словно сковывало холодом, ледяным колючим холодом. Мужчины считали меня фригидной, но я – то знала, что с Максом я не была фригидной.

Утром мы с мамой сходили на рынок, скупилась, встретили знакомых, поговорили. Когда вернулись, приготовили вкусный обед и стали ждать отца с работы. Он приехал не один, а с Димой.

Дима был сыном папиного лучшего друга Голицына Петра Игнатовича, директора хлебозавода. Все детство мы везде были вместе, поскольку наши родители и отдыхали вместе, и праздники праздновали вместе, и пикники – тоже вместе. Нас с Димкой сватали друг дружке давно, но мы как-то отшучивались и жили своими жизнями. Но год назад Дима на очередном юбилее какого-то нашего родственника (уже и не помню) рассмотрел во мне что-то и вспылал идеей фикс жениться на мне. Теперь, когда и отец, и Дима были одержимы одной мечтой, мне было очень сложно противостоять.

Дима был галантен, пытался угодить и моей маме, и папе, вспоминал наши детские игры, но мне так сильно хотелось, чтобы застолье закончилось, и Дима ушел. Честно говоря, я не представляла его своим мужем. Убирая тарелки со стола, я не удержалась и спросила отца:

– Пап, ты же понимаешь, что я никогда не выйду замуж за мужчину, которого не люблю? Зачем тогда этот цирк?

– Ты о Димке? Он – классный парень. Мне нравится его общество. Заметь, он отличный предприниматель. И всего добился сам, хотя ты знаешь дядю Петю, он же тот еще жук, все в семью. У Димки есть стержень. В прошлом году прогорел с теми прицепами, не учел многого, но ведь не сдался, взял кредит, выкарабкался и снова на коне. А тебе с такой профессией нужен муж с деньгами.

– Вот только не нужно наезжать на мою профессию! Я хотела быть учителем – и я буду им. Хотя я знаю, что вы с мамой никогда не одобряли моего выбора.

– Да будь ты кем угодно, но уже почти 23 года. А замуж, а дети? Мы с мамой внуков хотим, – бурчал отец.

– Вон у вас Ванька Владиков есть, что мало? – отбивалась я.

– То Владика. А мы с мамой хотим, чтобы у тебя хорошая семья была. Нам тогда спокойнее пенсионерить будет. Ты же знаешь, муж и дети для женщины – это все!

– Не хочу ни того, ни другого. Я не домашняя женщина, – очень устала выдвигать отцу аргументы.

– А тебя никто и не заставляет жарить котлеты с утра до вечера. Дима в состоянии нанять кухарку.

– Па, Дима очень классный парень, – ответила я. – Кому-то он будет отличным мужем. Но не мне. Я не хочу выходить замуж... за Диму...

– Из-за того... бандита с большой дороги? – подняв голову и смотря прямо мне в глаза, спросил отец. – Из-за этого детского твоего романа?

– Папа, я любила его, – а про себя отметила, что и до сих пор люблю.

– Тебе тогда было только пятнадцать лет. Как ты знаешь, что это была любовь?

– Некоторые женщины любят только один раз в жизни. Только раз. Макс был для меня всем. Всем миром, – я отвернулась и устала в окно, боясь расплакаться. – С того времени не было никого, кто бы вызвал во мне такие чувства. И я думаю, что уже не будет. А если судьба мне пошлет такого, как Макс – вот он и будет мне мужем. Понимаешь, па, моим, таким, какой подходит мне, а не тебе и маме. И уясни сейчас, это точно не Дима.

– Если бы ваш роман продолжался дольше, ты бы устала от него, – отец говорил тихо.

– А я уверена, что нет, – категорически заявила я.

– Он просто воспользовался тобой. Вот и все. Как еще ребенка тебе не сделал, никак не пойму...

– А мы не были с ним... близки, – призналась я, хотя понимала, что отцу доказывать, что плевать против ветра.

– Ага, так я тебе и поверил, что он не дотрагивался до тебя, – с насмешкой заявил отец.

– Хорошо, что хоть дотрагивался. Есть, что вспомнить. Только он не уничтожил мою девственность. Он понимал, что меня воспитывали по-другому. «Ты будешь каяться», – говорил он. И как был неправ. Я много раз пожалела, что не он был первым мужчиной в моей жизни.

Отец стал хмурым. Никогда у нас не заходил разговор так далеко.

– Я был уверен, что ты с ним спала.

– К сожалению, не спала, – я улыбнулась. – Как сложилось, па, так и есть. Что уж говорить теперь. Мне завтра нужно ехать, ждут ученики. А ты можешь заняться поиском невесты для Димы. Пореспектабельней подбери ему девочку.

– Парню реально ты нравишься. Ну-ну. Сообщишь, когда наиграешься в игру «учительница». Это очень тяжелый и неблагодарный труд. Соня. Твоя бабка, моя мама была учительницей, я знаю ведь все нюансы этой работы. Я все хотел спросить, если бы он не погиб тогда так ужасно, ты бы вышла замуж за этого орангутанга?

– Да, вышла бы, даже если пришлось жить с ним в бедности, в комнате коммуналки и воспитывать с десяток детей, – я улыбнулась, представив эту картину. – И я была бы счастливой, папа, поверь, это правда.

Последняя ночь в родном доме... Завтра поездом опять в Киев в съемную квартиру. А пока один на один с воспоминаниями. Нашла большую коробку из-под сапог. В ней я храню

свои рисунки. У меня не осталось фотографии Макса, но я его столько раз рисовала. А ему рисовала машины.

Пересеклись дороги наши лишь на миг
Твой взгляд один
И вдруг огонь в душе возник
Во мне печаль
Поёт натянутой струной
Но почему ты не со мной?

Ты – далеко, а я с тобой всё говорю
Как объяснить
Что всей душой – тебя Люблю
Что без тебя – жизнь стала серой и пустой
Что все мечты мои остались лишь с тобой.

Эту картинку я нарисовала в тот вечер, когда вернулась с последнего свидания. Спустя пять лет приписала с обратной стороны стихи.

В тот день мы с Максом пошли в кино. Я по обыкновению убежала из дому, чтобы родители не знали, что я встречаюсь с парнем, с которым мне нельзя было встречаться. Прочеловавшись почти весь сеанс, за 10 минут до окончания фильма мы убежали из кинотеатра под покровом темноты. Хотя все время Макс следил, чтобы мы долго не оставались наедине, теперь он сам пригласил меня к себе в коммуналку.

– Когда ты сделаешь меня своей? – все время спрашивала его, но Макс отшучивался: «Вот закончишь школу, поженимся, и когда я сниму с тебя белое длинное платье и белоснежную фату, тогда, Соня, и будем мы с тобой по—настоящему вместе».

Но мне кажется, что в тот вечер Макс все же хотел нарушить свои планы. И я не была против. Его глаза просили прощения даже в то мгновение, когда он целовал меня так, как никогда до этого не позволял себе.

– Девочка моя, ты разрешишь мне любить тебя сегодня по—настоящему? – раздевая, шептал Макс.

– Ты же знаешь, что да, – радовалась я, ведь, наконец, что-то серьезное, существенное, а не сладкие поцелуи с привкусом жвачки.

– Не бойся меня, – шептал Макс. – Я сделаю это легко и медленно, тебе будет приятно. Возможно, не сразу.

Это был старый потертый диван, правда, с новым красивым бельем. Но когда он уложил меня на этот диван и начал целовать, он показался мне райским ложем.

Макс был взрослым сильным мужчиной, а я худющей десятиклассницей. Вспоминая все это, меня накрывало горячей волной. Но тогда к Максиму пришли какие-то двое, что-то громко ему говорили. Он вернулся, но только затем, чтобы одеть меня, как куклу, и сказать: «Прости». Действительно, колдовство было разрушено. Макс провел меня домой. Мы шли и молчали.

Что-то было в этом холодное и прощальное. Он довел меня до самой двери, ласково погладил по голове и посмотрел в печальные глаза. Он что-то хотел сказать, но не сказал. Улыбнулся и ушел. УШЕЛ. Если бы мне тогда знать, что навсегда, я бы уцепилась в его одежду и не отпустила. Но я тогда не знала, что больше его никогда не увижу. Я просто долго смотрела ему вслед.

Макса убили. Как мне потом сообщил отец, за какие-то там разборки бандитские. Мне не было важно за что. Просто его не стало. И весь мой радужный мир разрушился.

Я, как зомби, доучилась год в школе, после чего поступила в педагогический. Родители думали, что смена обстановки улучшит мое состояние и я забуду Макса. Но я до сих пор помню каждый день, каждый час, каждую минуту, проведенную с ним.

Институт действительно меня изменил. Будучи старостой, развернула такую самостоятельность, что не замечала вокруг ничего. Мне была необходима именно такая бурная жизнь, в которой могла тонуть, чтобы не оставалось ни секундошки на воспоминания. Все курсы, которые проходили в стенах института, я посещала. Денег родители никогда не жалели, поэтому пошла даже на бальные танцы, год позанималась. Между двумя иностранными – поход в бассейн. По кинотеатрам и театрам с подругами бегали, как дикие козы. С квартиры, которую меня заставили снять родители (мама посетила общежитие и с валидолом под языком покинула его), выходила в шесть утра, а возвращалась – в одиннадцать вечера.

Я знала, что красивая, поэтому кавалеров было много. Но всех их держала на дистанции. Один провожал к институту, второй домой, с третьим в кино, четвертый – серенады под окном пел. Но ночами мне все равно снился Макс...

Глава 12

Вова Титаренко

*Мексиканские фильмы любя,
С героинями плакала поровну.
Но когда увидела тебя,
Жизнь рванула в обратную сторону.*
(Лариса Рубальская)

Вова Титаренко появился на пороге класса через три недели после того, как начался учебный процесс. Это был вторник и я проводила на втором уроке русскую литературу в своем 10-Б, когда двери распахнулись и на пороге нарисовался (красиво появился) высокий, атлетического сложения юноша с лицом Казановы со стажем. Я чуть не задохнулась, настолько он был похож на Макса, только младше. Загорелый, черные гипнотические глаза, прямой аристократический нос, темные волосы до плеч... Меня накрыло волной воспоминаний, но не надолго. Он поймал мою реакцию, оценивающе прошелся своими глазами—угольками по моей фигуре с ног до головы и, никак не стесняясь того, что солидно опоздал, бархатным Максимальным голосом громко выкрикнул:

– Салют, пани учительница! Народ, всем привет! – и нагло прошел по классу, даже не спросив разрешения ни войти, ни сесть. Бросил свои вещи возле Новиковой, откровенно чмокнул при всех первую красотку класса прямо в губы. Ничего себе!

Класс оживился, а особенно активизировались девочки. Мой немой вопрос.. Не один, кстати... повис в воздухе. Кто он? И что это за явление Христа народу? Мои ученики давно взяли моду приглашать на уроки своих друзей из других школ или родственников, которые среди учебного года приехали в гости. Прошло немного времени, пока я смогла перекричать шум в классе и спросить, наконец:

– А можно поинтересоваться, юноша, кто вы и что делаете у меня на уроке?

– Я – Вова. Пришел учиться. Я здесь учусь. Собираюсь, по крайней мере, – и он улыбнулся такой улыбкой, что я была близка к обмороку. Он и улыбался точно так же, как Макс. Нервно я начала листать журнал и, наконец, отыскала в списке ученика, напротив которого я все время ставила энки – Титаренко Владимир. И вот этого дядьку я должна учить? Да ему уже жениться впору.

– А где это вы до сих пор пропадали, юноша? Аж три недели? – сурово начала я.

– Загорал, – и он растянул свои пухлые губы в приятной улыбке, которая обезоруживала и валила наповал. Он действительно был прилично загоревшим, поэтому можно было поверить в это. – На курорт ездил. Вот, как только приехал, так и к вам. А вы что же, практикантка? – он демонстративно прошелся глазами по моим ногам, бедрам, груди и остановился на глазах. – Прикольная тетка.

– Это наша классная, – просветила его сидящая рядом Лена.

– Ух ты! Да я тут много пропустил. Значит, учиться будет интересно, – Вова полез в свою сумку и извлек оттуда тетрадь. А по толщине его сумки и не скажешь, что там могло что-то быть.

– Что вы себе позволяете? – кипятилась я и удивлялась его неестественной наглости. Не шла она его внешности. – Я учитель литературы и классный руководитель этого класса, София Константиновна.

– Нормально, София Константиновна. Красивое имя. Вам идет. Чего кипятиться? Так, народ, ша. Пусть рассказывает. Что там у нас сегодня по программе? – он пробежал глазами по теме, которая была написана на доске моим аккуратным почерком. – Горький? Прекрасный роман «Мать». Как по мне, не полное название, поскромничал Максим Максимович. Ну да ладно. Давайте, София Константиновна, вещайте, – он повернулся к классу, повел рукой и все, как под гипнозом, утихло. Тогда я поняла, что теория моей учительницы работает, и лидер в классе есть. И этим лидером был, бесспорно, Вова. Просто он загорал, а теперь так, для годится, решил присоединиться к классу. Нужно же хоть когда—нибудь учиться.

Значит, если верить моей учительнице, я должна «построить» или «приручить» этого Вову (убрать такую детину вряд ли получится!), тогда весь класс станет ведомым. Но как строить этого Вову, на которого я даже смотреть спокойно не могу? Ну, вылитый Макс, честное слово. Просила у Бога второго такого – на тебе, и делай с ним, что хочешь. Была бы ученицей – проблемы бы не существовало, написала бы записочку со стихом о любви. Но есть одна проблемка: я не ученица, мне так низко опускаться нельзя, и никто, а главное сам Вова, не должен знать о моих противоречивых чувствах. «Умейте властвовать собой!» – так, кажется, учил Онегин Татьяну Ларину? Мудрый классик Александр Сергеевич Пушкин. Красиво говорил, а сам вспылывал и вызвал Дантеса на эту чертову дуэль. Не вызвал, может, был бы жив, столько бы еще всего написал. Вывод: советовать легче.

Появление Вовы не прошло незамеченным не только в классе, но и в школе. Все девчонки либо глазели на него, либо бегали за ним. Круг его поклонниц только расширился. А тут еще я со своими затяжными взглядами. Нет, мне Вова не нравился, мне нравилась его похожесть на Макса. Но эта моя гипнотическая влюбленность в Вову продолжалась недолго. Спасибо все тому же Вове, он за три дня меня своими подколами и словесными выпадами довел так, что я его чуть не стала ненавидеть. Правду говорят, что от любви (все же речь о симпатии) к ненависти всего один шаг. Меньше – проверяла! Моя ненависть имела мягкую форму: я просто избегала Титаренка. По крайней мере, пыталась. Иногда я ловила себя на мысли, что просто боюсь с ним встречаться даже взглядом.

– Мне книжки не выдают в библиотеке, – заявил Вова на перемене, когда догнал меня в коридоре и дернул за рукав. – Драсте, – словно вспомнил, что не поздоровался.

– Здравствуй, Вова, – он доставал меня с теми учебниками уже неделю. – Ты не сдал алгебру за 9 класс, вот тебе и не выдают. Найди книжку и сдай.

– А не обломится библиотекарьше? – начал Вова, и я приготовилась слушать, какая Алевтина Павловна гадина, и как она наговаривает на учеников, которые вовремя сдали книжки. – Я сдал, она при мне вычеркивала, а потом говорит... Я бы купил, мне не в падло, но эта алгебра – очень дорогой учебник. И почему это я должен, если сдал?

– Что ты хочешь от меня? – после четвертого урока у меня сильно болела голова, я дико хотела есть, как абориген Африки, а Вова висел у меня над душой со своими книжками.

– Ну ты у нас по ходу класуха, сделай че—нибудь... Защити своего подопечного, наежь на библиотекаршу, – предлагал Вова смелые сценарии.

– Во—первых, вы. И кто я такая, как ты сказал? – не выдержало мое человеческое «я», воспитанное в классических аристократических манерах.

– Простите, по инерции ляпнул, – покаялся Вова. – Классный руководитель. Не хотел обидеть. Честное слово. Что б я сдох, – и он демонстративно бухнулся на грязный пол, имитируя процесс сдыхания. Даже руки на животе сложил.

– Вставай, клоун. Ты уже столько меня оскорблял, что еще одно проявление хамства не имеет значения. Умирать не стоит. Пошли в библиотеку разбираться, – я поняла, что сама эта история, как говорят дети, «не рассосется», поэтому мы с Вовой пошли в отдел выдачи учебников. По пути Вова в ярких красках нарисовал мне, какие делишки обкручивает библиотекарша в школе, как она требует от детей лишние учебники, а потом на книжном рынке сдает в комиссионку.

– А откуда такие сведения? – поинтересовалась я подобной осведомленности Вовы о делах Алевтины Павловны.

– Я откуда знаю? Я все знаю, – гордо заявил Вова. Посмотришь на такого и понимаешь – этот реально все знает.

Алевтина Павловна как увидела Вову, сразу же и набросилась на парня, как маленькая собачка из-за заборчика на большого патлатого пса.

– Не выдам, потому что не сдал! – категорически заявила и скривила чуть не фиолетовые от гнева губы.

– Он не сдал только учебник по алгебре? – поинтересовалась я.

– А что, этого мало? Редкая книга. Стоит 20 гривен, и то не везде купишь, – шипела Алевтина Павловна. Если честно, мне тоже эта тетка не очень сильно нравилась, но я не могла опуститься до уровня Вовы и начать ругаться с Алевтиной Павловной. Я знала другие способы, потому как еще в 9 классе помогала библиотекарше своей школы регистрировать книги и списывать журналы.

– Насколько я понимаю, в читательский формуляр вы должны были внести регистрационный номер книги, который также есть в отмеченном учебнике, да? – спросила я у злой библиотекарши.

– Конечно! Все, как по правилам. У меня порядок.

– Если среди учебников найдется такой, в котором регистрационный номер совпадет с номером, записанным в Вовином формуляре, – значит, Титаренко эту книгу сдал? – уточнила я.

– На что вы намекаете? Что я не вычеркнула книжку? Быть такого не может!

– Алевтина Павловна, в конце года вы могли забегаться, замотаться. Вы же не компьютер, а человек. А парню – неприятности.

– Этому неприятности не помешают. Он сам ходячая неприятность. Я искать не буду! – категорически заявила библиотекарь. – Сейчас, разбежалась. Мне что, делать нечего?

– А вас никто и не заставляет. Запишите номер на бумажке, а Вова найдет сам. Это ведь в его интересах. Где у вас хранятся учебники?

– То—то и оно, что эти книжки не хранятся, – вспылила Алевтина Павловна. – У нас книг ровно на все классы. Я выдала учебники в сентябре девятым классам. А классов аж три.

– Пишите номер, – настаивала я. – У тебя неделя, чтобы проверить книжки у девятиклассников. Принесешь книгу – докажешь, что прав, – отдала я листок бумаги с номером. Вова сиял от счастья. – И поаккуратнее с самими девятиклассниками, без фанатизма!

– Вот это справедливо. Найду! – пообещал Вова, схватил листок и убежал. Прозвучал звонок на урок. Ну вот, и не поела, и не отдохнула, еще и получила на прощание от библиотекарши злое:

– Будешь с ними панькаться так, на голову сядут. Тогда не плачь.

Не прошло и трех дней, как Вова нашел книжку с необходимым номером. Библиотекарше пришлось списать с парня долг и выдать комплект книг для 10 класса. В поведении со мной Вова перестал быть грубым, но другие учителя страдали от его прямой наглости и беспардонности. Как-то завелся разговор в учительской о Вовином гадком поведении, так чего я только не наслушалась. Чуть уши не завяли.

– Он прогульщик. Его на второй год оставляли. Вы еще с ним наплачетесь. Класс, как стадо баранов, ведется на его выходы. А девки замечают только его мышцы и красивую мордашку, – выдала Альбина Карловна, учительница химии. – Я бы вам посоветовала идти прямо к родителям домой. Пусть что-то с ним делают.

– У него нет родителей. Зайдите ко мне, София Константиновна, – завуч Елена Дмитриевна вовремя вклинулась и пригласила меня на разговор, который оказался очень длинным. Из этой беседы я узнала, что Вова Титаренко находится под опекой бабушки, с которой и проживает в пятиэтажке на улице Ковпака 5. Тогда мне этот адрес ничего не говорил. Но когда я все же собралась проведать место обитания Титаренков, я и представить себе не могла всей широты и загадочности жизни обыкновенного пролетариата.

Глава 13

Бабушка Вовы

Пятиэтажка, в которой обитал Титаренко Вова с бабушкой, «впечатляла» своим убогим видом. Особенно это разительно бросалось в глаза на фоне рядом стоящей элитной девятиэтажки, которую возвели спешно всего за пару – тройку лет. Тонированные стеклянные окна, кондиционеры и спутниковые тарелки – все говорило о деньгах и статусе.

Когда же я вошла в подъезд облупленного пятиэтажного старичка, то чуть не вырвала свой скудный обед – в нос резанул смрад кошачьих и, видать, не только, испражнений. Некоторые свежие кошачьи и собачьи (диагностику не проводила) какашки все еще лежали в уголках на лестничных клетках. С такой скоростью, закрыв нос двумя пальцами, я еще никогда не поднималась на третий этаж.

Позвонила в дверь с набитой цифрой «15», но мне не открыли. Я звонила со школы бабушке Вовы, чтобы предупредить о своем визите, но трубку никто не взял, и я решила пойти без предупреждения – была, не была. Постояла минут пять, периодически открывая нос, и тут же закрывая, и уже было решила уходить, когда двери медленно открылись, и на пороге появилась небольшая старенькая женщина с похожими на Вовины глазами.

– Добрый день. Вы Тамара Игнатьевна, бабушка Вовы Титаренко? – на всякий случай спросила, чтобы не попасть не по назначению.

– Да, она самая. А вы кто? – мягким приятным голосом спросила женщина.

– Я – классный руководитель вашего внука. Могу с вами поговорить?

– Конечно. Проходите быстрее, а то здесь у нас все ароматы Франции, достали кошатники из собаководов, ничего не могу поделать. Вовы сейчас нет дома, но скоро обещал прийти, – она пропустила меня в прихожую и закрыла сначала одни двери, а потом и вторые.

– А Вова нам не нужен. Я собственно к вам, – сбросила плащ и переступила в другой мир. Грязный коридор с налущенными семечками и зловониями сменился дразнящим ароматом недавно испеченных булочек с корицей.

– Мой внук что-то утворил? Он такой непутевый, – начала старенькая женщина, подталкивая меня к дивану, а сама уселась в небольшое кресло, на котором в уголке лежало вязание.

Я хотела было начать рассказывать о всех Вовиных проказах, которых всего за две недели пребывания парня в школе собралось приличное количество. У меня была подготовлена целая лекция. Я методически собрала все, что вытворял этот оболдуй Титаренко: сколько уроков сорвал, кого послал очень далеко в неведомые страны, кому поднес кукиш под нос, кого обозвал «коза задрюпаная»... Но на маленьком столике я заметила большое скопление лекарств. Присмотрелась и узнала валидол, спазмалгол, валерьянку и пумпан... Почти все сердечное. «У женщины большое сердце!» – промчалась в моем мозгу резкая мысль, – и я забыла весь тот доклад, который методически правильно готовила, как описано в учебнике педагогики. Тамара

Игнатъевна уже сидела и нервничала, заламывая свои иссушенные годами пальцы, и готовясь к неприятному разговору. Нужно было срочно успокаивать женщину.

– Нет, ваш внук ничего плохого не сделал. Просто я решила познакомиться со всеми родителями детей, каких буду вести эти два года, – мастерски начала врать, памятуя, что ложь – это в какой – то степени разновидность творчества. А творить я умела.

– Ну, слава Богу, а то Вовку только и ругают всегда. А он неплохой. Пойдемте лучше на кухню, я вам чайку вкусно заварю. Вы такого не пили еще никогда, – Тамара Игнатъевна пошаркала своими объемными самодельными тапочками (рукодельничала женщина не на шутку) в сторону кухни. Я пошла за ней. Небольшая кухонька, но какая чистая и уютная! На табуретках связанные методом печворк подушки, чтобы не холодно было. На столе – голубая клеенка, а на ней связанная крючком салфетка под вазой с пряниками и конфетами.

Маленькая бабушка быстро повозилась возле чайника, набрала воду и поставила чистенький аккуратный чайничек на огонь.

– Угощайтесь пока конфетками. Сейчас закипит. Как знала, что гости будут, булочек испекла. Вовкиных любимых. А я – то думаю, почему мне большой лохматый пес приснился? А вот оно что – друг на порог. И синички в окно клевали, – дальше она увлеклась рассказом о внуке. Я видела, как ей были приятны воспоминания о смешном и хорошем Вове в детстве. Тамара Игнатъевна даже принесла из зала альбом с фотографиями. И я окунулась в интересную историю о счастливой семье – семье Вовы Титаренко.

– Людочка, моя дочка, мама Вовы, такая счастливая была, когда Вовка родился. Он вообще на девочку был похож. Паша, отец Вовки, таким хорошим отцом был, – Тамара Игнатъевна перелистывала страницу за страницей, я слушала, и хотелось слушать. – Паша любил в лотереи всякие играть. Ему везло, очень везло. Однажды много выиграл, и вот тогда купили машину. А потом... Вовка в пятом классе был, когда они в аварию попали. Паша был хорошим водителем, ехал правильно, но на пути пьяный попался. Вовка тогда учиться перестал, переживал страшно. Оно и понятно, дитю сразу мать с отцом потерять. На год его еще оставили в школе по неуспеваемости. Но он не глупый. До пятого класса был отличником. На карате ходил, плавает хорошо.

Чайник закипел. Старушка подхватила на его свист и быстро залила набросанные в небольшую кастрюльку травки. И действительно, только она залила эти травки кипятком, как аромат разнесся по всей комнате. Тамара Игнатъевна достала из духовки булочки и ласково предложила мне попробовать. Такой вкуснотищи я не ела никогда.

– А что за чай? – поинтересовалась я.

– Мята, мелиса, смородина, липа и листья земляники. Очень полезный. И усталость снимает. Мы не покупаем чай в магазине, собираем сами на даче летом.

– На даче? – переспросила я.

– Да, у нас есть небольшой домишко под Киевом. На лето мы туда перебираемся. Вот недавно собрали картошку с Вовкой и приехали в город. Вы его не ругайте, что не с начала в школу пошел. Он догонит. Все ж на Вовке, потому как с меня какой уже работник? Только

по кухне как-нибудь справляюсь, хотя Вовка отменно готовит. Знаете, он такой быстрый. Садить нам огород сосед помогал, а выбирали уж сами. Несколько мешков продали, поэтому было на что Вовке курточку купить и кроссовки. Растет парень.

Так вот откуда загар. Он все лето вкалывал на огороде. И три недели в школу не ходил, потому что на огороде порядок наводил. А пижонился, что на море был. Конечно же, перед девчонками петухом ходил. Я улыбнулась про себя, но Тамаре Игнатьевне ничего не сказала.

– Значит, вы единственная его родственница? – спросила я в ходе разговора.

– Единственная, к сожалению. Так хочется, чтобы он в люди вышел до того, как я умру, – печально сказала старушка и заглянула мне в глаза, словно в душу. – Он ведь думает, что я не знаю, но чтобы мне лекарства все необходимые купить (сердцем маюсь), внук вечерами подрабатывает. Тяжело работает. А последнее время связался с хулиганами. Вы, если можно, накричите на него, а то меня он не слушает. Я не хочу, чтобы он с этими Цыбулями водился.

– Обязательно поругаю, будьте уверены, – только выговорила, как услышала, что замок в дверях клацнул, и приятный голос Вовы прозвучал из коридора:

– Бабуль, ты где? Так вкусно пахнут твои булочки, я уже слюной почти удавился, – он вошел на кухню улыбаясь, но, увидев меня, сменился на лице, и грубо спросил:

– А вы здесь, София Константиновна, каким макарон?

– Пришла познакомиться с твоей бабушкой, – спокойно ответила я. Пусть теперь дико-образится и создает имидж хама. Я—то знаю, какой он на самом деле.— Уже ухожу, не буду вам мешать, юноша. Извините, что позволила себе съесть две булочки, которые пекла вам ваша прекрасная бабушка, – чтобы разминуться с ним, мне пришлось пройти мимо Вовы совсем впритык, всего в миллиметре, поэтому парень даже покраснел. Я быстро поблагодарила приветливую женщину за гостеприимность и выбежала в коридор, закрыв нос пальцами. Опять быстро преодолела ступени и, как стрела, вылетела на улицу.

Вовка догнал меня возле автобусной остановки, схватил за руку и резко повернул лицом к себе:

– Ты жаловаться на меня приходила? – гаркнул, а у самого такая беззащитность в глазах.

– Во—первых, «вы» приходили, – упрямо переучивала зарвавшегося ученика.

– Понял, на вы и шепотом. У нее очень большое сердце. Мне говори... те все, что хотите. Хочешь бей, унижай, вызывай на педсовет, но ее не трогай. Еще раз домой приде... те – по ступеням спущу!

– Больше не приду, не кипятись так. Я твоей бабушке ничего плохого не сказала. А ты и сам бы не нервировал ее. Прекрасный она человек. Очень тебя любит. Береги ее. А мне не стоит угрожать. Я не боюсь. И знаю, что ты не такой, каким хочешь казаться. Извини, мой автобус, – я впорхнула в салон, и только когда автобус отъехал от остановки, провела взглядом смущенного Вову.

На следующий день Вова с опущенной головой подошел ко мне на перемене и протянул пакетик с травами:

– Это вам от бабушки. Чай. Нервы успокаивает.

– Спасибо, Вова, – этот чай я вспоминала весь вечер.

– И еще. Она просила вас, если будет время, прийти к ней. Хочет подружиться.

– А ты меня не спустишь со ступеней? – лукаво спросила я, улыбаясь. – У вас там живописные ступени.

– Не-а. Вы ей понравились. И еще... спасибо, что о двойках моих не рассказали.

– Я пообещала Тамаре Игнатьевне, что ты будешь учиться, – решила воспользоваться моментом. Я отыскала его слабое место. Он сделает все, что угодно, ради своей бабушки. Я почувствовала, что смогу попробовать направить в нужное русло дикую энергию этого большого и непутевого ребенка.

– Ну, это вы взяли на себя слишком много. Хочу посмотреть, как это у вас выйдет, – он нагло прошел мимо, а я отметила, что получила маленькую, но все же победу. Вова еще не знал, что я только кажусь маленькой и хрупкой. Вообще-то я сильная, а когда нужно – очень сильная. И еще целеустремленная.

Глава 14 Елена Прекрасная

*Ты так старалась,
Быть всегда красивой,
А он помчался не к тебе,
противный...*

По документам она была Новикова Елена Игоревна, но в школе эту девочку все называли Елена Прекрасная. Малышня немного сокращала – Ленка Красивая. И действительно, было в ней что-то от сказочных красавиц: длинные русые волосы и серовато-зеленые глубокие проникновенные глаза. Лену нельзя было назвать конфликтной девочкой, но вокруг нее всегда происходили какие-то баталии. То парни побьются за ее внимание, то девчонки распустят клубок лишних сплетен, и половина школы начинает разбираться, что же реально произошло и как все это вырулить в правильном направлении. Причем, Лена вроде бы и не втянута во все это, но именно из-за нее происходят конфликты. Такая себе роковая барышня.

Лена рано поняла, что природа одарила ее большим сокровищем – красотой, и умело пользовалась ею. Девочка использовала влюбленных в нее по уши парней, как только ей хотелось. Самое любимое ее развлечение – помпезное эффектное появление в школе в сопровождении эскорта из одного-двух мальчиков. Возле нее всегда увивалось несколько парней просто так, чтобы были на подхвате, если Лене вдруг что-нибудь понадобится.

Почему-то Новикову большинство в школе считало легкомысленной глупенькой блондинкой, хотя Лена не была ни блондинкой, ни глупенькой. Уже три года подряд ее упорно класс выбирал старостой, и со своими обязанностями Лена справлялась. Еще бы, ведь ей помогали все те же парни на подхвате, которые кого нужно – заставят, что нужно – сделают, кого угворят, кого прижмут, а то и побьют. Одним словом, все всегда сделано, а каким макарон – не спрашивай, главное ведь – результат.

Как я не пыталась подружиться с Леной, ничего не получалось. Она во мне почему-то видела угрозу и конкурентку. Особенно после того, как Юра ляпнул при всех на перемене: «А наша мама Соня красивше будет, чем Ленка!», девочка начала смотреть на меня «чертом», и все время пыталась сделать какую-нибудь каверзу.

– Не называйте меня «милой девочкой»! – зло выпалила Лена после того, как я собралась объяснить ей, что такая слишком короткая юбка – не очень приличная одежда для школы. Ее серо-зеленые глаза слегка вытянулись, и стали похожи на кошачьи.

– А как же я должна тебя называть? – поинтересовалась я. Мне очень хотелось найти общий язык с этой «звездой класса и школы», а еще больше – узнать истинную причину ее страшной ненависти ко мне. Не верила я, что проблема только во внешности.

– Я – Лена Новикова. И не «девочка», и не «солнышко», и, упаси Боже, «милая моя». Дебильные обращения, – она дернула пышной короткой юбкой в плиссировку, мотнула шикарной гривой русых волос и исчезла за дверью. А я осталась переваривать неприятный привкус этого разговора, если это можно было назвать разговором.

Ну что же, придется понаблюдать, изучить и понять это диво дивное Лену Новикову, потому что я верила: вода и острый камень точит, а такой, как Лена, и подавно округлит.

Чего-то я не учла, потому что время шло, а Новикова становилась все более агрессивной. Ко всему прочему добавилось еще что-то, что объяснить вообще было нереально. У меня создавалось впечатление, что я у нее что-то украла, очень ценное и жизненно необходимое. Лена выходила из себя уже только при одном моем появлении, поэтому я пыталась как можно реже попадаться ей на глаза, чтобы не нарваться на «комплименты». Иду по коридору и вижу впереди в перспективе встреча с Леной – заворачиваю в учительскую, словно по делам. Выхожу на перемене воздуха свежего глотнуть и мозги закипевшие охладить – Лена в компании стоит, поэтому отхожу подальше, лучше за угол школы, чем пугаю курильщиков – они тоже вышли мозги прочистить, но своим способом. Шарахаемся в разные стороны.

Но после одного случая, который пояснил немного фобии Лены, серьезный разговор с девушкой был неминуем.

В начале декабря я планировала провести открытый урок со своим классом по теме: «Французский романтический роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери». Открытые уроки – это всегда праздник как для учителей, которые приходят на урок, так и для администрации, потому что учитель, который готовит такое мероприятие, выдумывает и творит в меру своей буйной фантазии, а то и не в меру. Открытые – это не настоящие уроки, а, скорее, искусственные, хотя и яркие, эффектные, зрелищные. Если учесть, что это был мой первый открытый урок, то старалась я изо всех сил.

У каждого учителя свои методы и любимые приемы. Я люблю инсценировки. Страшная приверженка творчества Виктора Гюго и его романа «Собор Парижской богоматери», поэтому я и представить себе не могла другой инсценировки, чем из этого романа. Монолог Клода Фролло под прекрасный танец Эсмеральды – это должна была быть та изюминка, которая не способна оставить равнодушным никого. И даже если в уроке где-то будут огрехи, эта сцена перекроет все и позволит претендовать учителю, то есть мне, как минимум на похвалу, максимум – на пальмовую ветвь Каннского кинофестиваля.

На роль священника Клода прекрасно подходил отличник Артур Ковальчук: высокий, худой и длиннолицый парень, острый на язык и очень сообразительный. Он отличался хорошей памятью, поэтому я была уверена, что этот не подведет и монолог выучит. А вот Эсмеральда – только Новикова. Если ей надеть черный парик – шикарная Эсмеральда должна была получиться. К тому же, я знала, что она умеет танцевать. Лена любила быть в центре внимания, и ей нравилось, когда ею любят. Поэтому, когда я на своем уроке огласила о подготовке к открытому мероприятию, все встретили это весело.

– Ура! Будем звездиться! – кричал Вигура и перекривлял директора, как тот обычно хвалил классы, которые чем – то отличились.

– Да уж, не подведите. Я раздам слова, сначала их нужно будет выучить, а на следующей неделе начнем репетировать. Будет небольшая сценка из «Собора». Артур, ты будешь Клодом Фролло, а Лена Новикова – Эсмеральдой...

При последнем моем слове по классу пробежался легкий шумок. Все посмотрели на Новикову, а та побледнела, и в блеске ее глаз сверкнул острый металл. Из последних парт донеслось:

– А Квазиморду тоже пригласили?

Я узнала голос Маркина Ромы. Этот всегда был беспринципным и с чужими чувствами не очень — то панькался. После этой фразы Лена психанула, сбросила все свои вещи в сумку и рванула к выходу. Когда проходила мимо меня, пригвоздила очень злым взглядом. Но я заметила так же, что на ее красивых глазах выступили слезы. Это были слезы обиды.

Я опять не понимала, что сделала не так.

– Ну, вы, Соня Константиновна и ляпнули же, – первым попробовал просветить Дима.

– Что-то не то сказала, да? Дима, я не понимаю, что? – попросила объяснить.

– Длинная сказка. Ленку нельзя называть Эсмеральдой. И Квазимодо тоже лучше при ней не выговаривать. Несчастливая любовь. Еще в прошлом году, – и убежал за Леной, считая, что я все поняла и во всем разобралась. Как всегда, «вовремя» прозвенел звонок и за минуту класс опустел. А я осталась стоять у доски, как та Пизанская башня: никак не упадет, и стоять у нее прямо, как-то не выходит. Никого видеть не хотела, поэтому переместилась в подсобку, чтобы проверить три пачки тетрадей с сочинениями. Это длительное изнуряющее занятие, но иногда «перлы» радуют и превращают такую работу в веселье. Не в этот раз. Открываю тетрадь, читаю, еще раз читаю, но ничего не понимаю. Так и сидела над тетрадями, пока не услышала:

– Чо ты дуешься, она ведь не знала, – это был голос Вовки Титаренка. Значит, на уроке этого охломона не было, а как Лене плохо – он ее успокаивает.

На этот раз я закрыла дверь подсобки на защелку, чтобы никто не мешал моему уединению. Теперь услышала, как дернулась дверь (Вова, видимо, проверял, есть ли кто в подсобке), но я затаилась, как ушлая мышь, которая учится прятаться от наглого кота. Подслушивать чужие разговоры плохо, но я понимала, что только так смогу распутать их запутанные тайны.

– Она меня нервирует, дура институтская, – это так лестно обо мне Лена. Мысленно я исправила «вообще-то университетская». Так получилось, что поступала в институт, но за год до окончания обучения заведение превратилось в университет.

– А она тебя пытается понять. Терпеливая тетка, – продолжал Вова меня защищать.

– Ты все время ее выгораживаешь. Соня Константиновна такая, Соня Константиновна саякая, хорошая, прекрасная, святая. Ты, случайно, на нее не запал? Очень похоже...

– А что такого, что мне нравится учитель? Как училка она классная. И ты это знаешь, потому и бесишься.

– Я еще не бесилась. Это цветочки. Вот она у меня еще увидит почем в Киеве рубероид...

– Вроде ты знаешь, почем? И когда ты такой стала, Ленка? Ты ж была нормальной девкой. Оно тебе нужно, такой кипишь на пустом месте поднимать?

– Нужно. А ты не заступайся, а то мигом отставку получишь.

– Лена, какую отставку? О чем ты говоришь? Мы с тобой всегда были только друзьями – и не больше.

– Ах так значит. Пока ее не было – я была твоей девкой, а теперь – друзья? – по грюкнувшей двери и стуку каблучков в коридоре я поняла, что Лена убежала. Я пыталась не дышать и не двигаться еще минут десять, не зная, когда из класса уйдет Вова.

Когда закончился пятый урок, я попросила Лену остаться после уроков, чтобы поговорить, но она проигнорировала мою просьбу. С очень фиговым настроением, прождав девочку полчаса, я пошла в свое любимое кафе и наелась развесного мороженого – говорят, вырабатывает гормон счастья. Не знаю, как другим, но мне помогло.

Конечно, выяснить вопрос, что случилось в прошлом году, я могла у любого ученика класса, даже у того же Вовы, но мне было нужно не это. Я хотела убедить Лену, что не претендую на красавчика Вову, ведь, насколько я поняла со всего случайно подслушанного, во мне она видела соперницу. Я поставила себя на ее место – так делать всегда учил меня отец – и поняла, что, возможно, я бы тоже повела себя так, будь ученицей. Не так откровенно хамила, но ревновала бы точно.

Утром следующего дня (сколько раз убеждалась, что утро – таки мудренее вечера) четко уяснила, что добровольно Лена не согласится на разговор. Значит, нужно обманывать. Подговорила завуча Елену Дмитриевну разыграть вызов Новиковой в ее кабинет. Елена Дмитриевна позвала Новикову к себе в кабинет, а потом вошла и я.

– Я так и знала, что это подстава. Круто, София Константиновна, – разочарованно сказала Лена. Завуч вышла, и Лена удивленно перевела взгляд на меня. – А чо Дмитриевна свалила?

– Много дел у женщины. Зачем нам свидетели? Я просто хочу, чтобы ты поняла некоторые моменты. Садись и слушай.

Лена некоторое время стояла, видимо, выбирая между тем сесть и послушать или все же убежать. Без особого желания, но девушка села в удобное дерматиновое кресло, стоявшее напротив меня. Она нервно крутила свой красивый серебряный браслет на правом запястье, что выдавало ее волнение.

– Понимаешь, меня не устраивают те отношения, которые сложились между нами. Они угнетают и тебя, и меня. Я так не могу и не хочу, – откровенно призналась, ведь главное начать, и при этом – откровенно.

– Да уж, мало приятного, – согласилась девушка, подозрительно поглядывая на меня.

– Я понимаю тебя. Возможно, больше, чем ты думаешь, – деликатно продолжила.

– Да неужели? Ану, просто интересно, что вы мне будете здесь заливать? Нотации читать будете? Какая Лена Новикова нехорошая.

– Нет. Я сама не люблю, когда читают нотации. Что-то расскажу, а ты поймешь. Я надеюсь. Когда я училась в школе, имела приблизительно такие же проблемы, что и ты. Я знаю, как быть самой красивой девушкой в школе. Все на тебя смотрят, считают кто распушенной,

кто счастливой. А красота – не гарантия счастья, верно? Когда я шла по коридору школы, девочки шушукались и обговаривали каждый миллиметр моей фигуры, длину формы, туфельки, прическу. Парни—старшеклассники обзывали шалавой, а старшеклассницы завистливо смаковали последнюю новость: я встречаюсь с парнем намного старше меня из очень неблагополучной семьи. Наша школа считалась престижной, и в ней было полно детей из очень обеспеченных семей города.

– Вы и сейчас ничего, – сделала мне комплимент Лена.

– Спасибо! Знаешь, сколько раз в день мне предлагали старшеклассники переспать за деньги? Обещали много, считая, что делают прекрасное предложение. А мне было унижительно и неприятно.

– И вам предлагали? Дебилов везде хватает, – подытожила Лена.

– Это ты точно подметила. Везде. Они видят внешнюю оболочку. А мы ценим тех, которые видят внутренний мир. Мы прячем свой внутренний мир, но они его все равно как-то видят.

– Таких мало, которые видят, – вырвалось у Лены.

– Но они есть. У меня такой был. Правда, недолго. У тебя тоже есть.

Лена резко подняла глаза. Наверное, она не ожидала, что я так быстро и метко попаду в ее больное место.

– Я знаю и вижу твою симпатию к Вове Титаренко. Не слепая. Я также вижу его мальчишечье увлечение мной как учителем. Неужели ты думаешь, что я позволю себе отношения с учеником? Я ведь не буду ставить на карту свою профессиональную карьеру, работу и доброе имя ради интрижки пусть и с красивым мальчиком.

– Вы просто плохо знаете Вову. Мы с ним вместе с песочницы. Я изучила все его прищипки. Если он что-то надумал – хоть Армагеддон в мире. А он надумал вас...

– Лена, у меня есть жених, – использовала я последний, но, как мне показалось, весомый аргумент.

– Правда? И вы его любите? – надежда засияла в ее уже теплых глазах, заменяя ревность интересом.

– Даже больше: я скоро, возможно, выйду за него замуж, – ляпнула я и удивилась, как в последнее время научилась лихо и главное правдоподобно врать. Думала, что Лену эта новость впечатлит, но ее лицо сияло недолго.

– Я не знаю, какой ваш там жених, но если Вовка захочет, вы бросите его к чертям собачьим, – умела эта девочка опускаться на грешную землю.

– Ну, это мы еще посмотрим. Ты мне лучше скажи, чем я тебя вчера обидела, потому что, видит Бог, не хотела.

Лена мяла какую—то рекламную листовку, попавшую ей в руки со стола завуча, и молчала.

– Этот разговор останется между нами. Я обещаю, – уговаривала я.

– Хорошо. Не я, так кто-то расскажет, только еще и наврет, – рассуждала вслух Лена. – Два года назад в нашем классе появился Игорь Пилипенко. Обыкновенный парень. Через полгода признался мне в любви. Я думала: ну вот, еще один из армии ухажеров. Ага, сейчас. Он мне тоже немного нравился, но чтобы с ним гулять, на фига оно мне надо? А у нас в классе тогда еще Голубева Динка училась. Зараза редкая. Она в Игоря так втрескалась, что проходу не давала. А тот за мной ходил, цветочки дарил, стихи писал. Как-то на уроке химии как прыснет Динка на меня кислотой, а Игорь закрыл. Ему лицо и шею обожгло. Одноклассники его Квазимордой дразнили, ведь он страшный стал. Его маман развелась с папиком—алкоголиком и уехала за рубеж к сестре. Там Игорю пластическую операцию сделали. Несколько писем написал, а теперь не пишет. В последнем письме написал, что нам нужно прекратить все отношения, потому что красивые девушки обычно непостоянные, предательницы, непутевые. Мол, он себе девушку будет искать не такую красивую, как я.

– Понятно. Извини за Эсмеральду. Ее Маша сыграла. Я не знала твоей истории. А Динка? Ее наказали?

– Щас. Вся школа на ушах стояла, но родаки этой дряни много денег отвалили. Откупились. Вова с парнями ей такой прессинг устроили, что Динку родаки быстро в другую школу перевели. Но ей там тоже спуска не дают. У Вовки там знакомые, он им про нее шепнул малость. Вы мне простите. Просто Вовка, он мне как брат. Наверное, больше. Но я ему не нужна, видимо.

– Мальчики в этом возрасте сами не знают, что им нужно. Ты меньше уделяй ему внимания, тогда сам прибежит.

– Этот не прибежит, – настаивала на своем Лена, но, в общем, выглядела немного успокоенной.

– Время расставит все точки над «i». Иди домой и помни о том, что я тебе друг, а не враг.

– Попробую, – пообещала мне Лена и оставила кабинет.

У меня словно камень с плеч свалился. Лучше бы я провела десяток уроков, чем лечить души этих раненых детей. Еще одна на пути излечения от обиды. Ура! Из меня получается сякой-такой педагог. А все—таки красивая из Новиковой вышла бы Эсмеральда.

Открытый урок получился отличный. Сначала у меня подгибались коленки, цокотали зубы и выпадал конспект урока из рук. Но стоило войти в колею, как я почувствовала себя маленьким режиссером важного действия. Дети активно подымали руки, говорили не то, что должны были говорить, но никто и не знал, что они должны были говорить. Главное – умели высказать мнение, видно было, что читали и могут проанализировать. Сценка тоже удалась. В конце урока я поблагодарила учеников и вздохнула с облегчением. Директор восторгался,

завуч хвалила, а педагоги, которые присутствовали на уроке, ласково улыбались, ведь у самих такие уроки были еще впереди.

Глава 15 Юра Гагарин

*Я маленький, но это не беда,
Мой рост, поверьте, – ерунда.
Я маленький, но в гневе
страшен, господа!*

Во все времена во всех классах обязательно были мальчишки, которые отличались маленьким ростом. Традиционно их называли «шпендиками», и они очень были сердиты на природу и всех остальных, особенно высоких парней.

В классе, где училась я, таким карапузом был Павкин Сережа. Даже в десятом классе он имел рост метр и пятьдесят сантиметров, когда все парни вокруг повзростели здоровенными лбами. Некоторые достигали даже метра восьмидесяти сантиметров. Акселерация чистой воды. Сережа жил в одном со мной доме, поэтому я была свидетелем его каждодневных издевательств над собой: зарядка, растяжки, бег, отжимания, часами висел на турнике. И все, чтобы вырасти хоть на несколько сантиметров.

Я глазам своим не поверила, когда как-то приехала к родителям и в базарной толкотне (вот где можно встретить выходным днем всех приятелей и родственников) увидела знакомое лицо и знакомые веснушки.

– Сережка? – на всякий случай переспросила. – Ты?

– Ага, я, – стесняясь и краснея, ответил мне почти двухметровый парень. С короткого разговора я узнала, что он теперь... баскетболист. Вот так! А когда я выдала, что работаю учительницей, он так же мило стесняясь, удивил откровенностью:

– Наши все в классе считали, что ты будешь либо моделью, либо актрисой. С такой внешностью...

– Да ладно! – теперь пришла моя очередь краснеть. – Ты знаешь, ни капельки не жалею, что не актриса и не модель, – а про себя подумала, что в работе учителя хватает и того, и другого.

– Еще не вечер, Сонь. Смутно я тебя в школе представляю.

Так вот вернемся к моему 10-Б, в котором самым маленьким был Юра Гагарин. И, как вы поняли из его имени и фамилии, Юра стал не «шпендиком», а «космонавтом», благодаря своему выдающемуся тезке.

Это был чернявый паренек, на котором любая одежда висела мешковато и неуклюже. Но с самого начала он меня впечатлил другим – огромной энергией и силой духа. В отстающих по успеваемости не плелся, но и на лавры отличников никак не метил, хотя мог бы, поскольку знания у Юры были разносторонние. Дети рассказывали, что Юра часто выигрывал в школьных викторинах и конкурсах. Если Гагарина отправляли на олимпиады по географии, он обязательно привозил призовые места. Это был тот случай, когда учитель по географии Юре не нравился, а от предмета он просто фанател. Родители выписали Юре дорогой ярко иллю-

стрированный журнал «Вокруг света». Чтобы не воровали из почтового ящика, мама Юрина оформила абонентский ящик на почте и лично забирала прессу. Как только очередной выпуск журнала приходил на почту, Юра зачитывал его до дыр и пытался найти побольше свободных ушей в классе, чтобы поделиться сногшибательными открытиями.

– София Константиновна, а вы знаете, какой город располагается на двух континентах?

– Знаю, – уверенно отвечала я.

– И какой?

– Стамбул.

– А в какой стране больше всего озер? А?

– В Канаде, – отвечаю, это я еще со школы знала.

– Правильно. А это точно не знаете, в какой стране улицы не имеют названий?

– В Японии, – добиваю парня.

– Угадали, – подозрительно так смотрит.

– Нет, Юра, прочла. Я тоже этот журнал читаю, – разочаровала немного Юру и тот, потеряв ко мне всякий интерес (чем он меня удивит?), помчался приставать к девочкам. Я уже только со стороны наблюдала, как он вычитывал «необычные факты»:

– Полное название Лос-Анджелеса знаете какое? «Эль-Пуэбло-де Нуэстра Сеньора ла Рейна де лос Анджелес де Порсиункула». А можно сокращенно LA. Прикиньте?

И все прикидывали. В классе Юру любили и уважали, а вот в школе – и дразнили, и тумачов он регулярно получал. Причина – рост. Но ведь душа каждого человечка (независимо от роста и возраста) устроена так, что она терпит, пока имеет силы, пока чаша терпения не переполнится. А тогда... держись мама и прячься, кто может и куда видит.

Вот так и Юра терпел. Как – то в середине декабря наш класс дежурил по школе. Юра вызвался отбывать самый ответственный и почетный пост – на входе. В задания дежурного возле входа входила проверка наличия дневников. Порядок был для всех один. И надо же было одиннадцатикласснику борзнуть и отказаться показывать дневник дежурным. Назревал конфликт. Одиннадцатиклассник не только обозвал Юру шмакадявкой, которая получит еще «свое», но и грубо выматерил Гаврилюк Лизу, которой выпало дежурить вместе с Юрой. Девочка быстро ретировалась, отправившись жаловаться завучу Елене Дмитриевне. Возможно, если бы досталось только самому Юре, парню не так было бы обидно. Но, как я заметила, мальчики моего класса очень тщательно следили, чтобы их девочек не обижали.

Здесь на помощь пришла дежурная администратор в особе завуча Елены Дмитриевны. Она сгладила ситуацию и призвала смутьяна Гену Петрова к порядку – пришлось парню вернуться домой за дневником. Но он ведь не успокоился, а «забил стрелку» Юре на перемене в мужском туалете. Еще бы! Какой—то сопляк—недоросток посмел требовать дневник у один-

надцатиклассника Гены! Одиннадцатиклассники – это особенная каста, «дембеля», которым и красный свет горит зеленым, и ковровые дорожки должны стелить, потому что они одной ногой уже за пределами школы.

Юра, весь такой гордый, на стрелку пошел... сам. Был бы не таким гордым, пару друзей – одноклассников прихватил с собой. Те бы пошли без вопросов, мои такие развлечения любят. Агеев летел бы, радуясь возможности кулаки почесать. Нет, Юра сам пошел, хотя Гена Петров – детина в три раза больше и шире от Юры.

Как там развивались события – в подробностях не знаю, но, когда я примчалась на место происшествия, глазам моим открылась картина из современного фильма ужасов. Весь туалет заляпан кровью. Как без сознания не упала – диву даюсь. Возле окна, прижавшись к батарее, стояли в смерть перепуганные «секунданты» Гены. Сам Гена с разбитым до состояния давленной клюквы носом, пребывал в тяжелом нокдауне в углу одной из кабинок. Посреди туалетной комнаты с бешеными, выпученными глазами стоял мой Юра. Кулаки его хоть и маленькие, но носили следы солидной работы по возобновлению справедливости.

Я сопоставила те события, о которых мне рассказала Лиза, разложила все по полочкам и трезво объяснила завучу и директору, которые прибежали вместе с медсестрой, что в данной ситуации Юра защищался (три амбала на одного маленького Юру).

Юра ждал обвинений с моей стороны, как минимум поучений. Но я вытерла его кулаки влажными салфетками, замазала зеленкой, где нужно наклеила пластырь, сказала, что он молодец, и отправила на урок. А сама пошла помогать медсестре приводить в чувства пострадавшего Гену и его помощников. К счастью, у меня было в этот момент «окно» в расписании. Парень терпеливо переносил процедуры медсестры: не жаловался, не проронил ни одного обвинения, наверное, понимая, что виноват. После этого медсестра вызвала скорую. Гену отвезли в больницу – нужен был рентген. На счастье, переломов не обнаружилось.

Шило в мешке не спрячешь. С того времени даже старшеклассники стали более уважительно и с некоторой опаской относиться к меньшим по возрасту и ростом ученикам. А во время дежурств моего класса в школе всегда был порядок, который регулярно нарушали только сами дежурные.

Глава 16 Дима Скворцов

В классе его называли Димон, но официальное прозвище было Броня. Почему Броня? У парня четыре перелома правой руки, сломанный нос и вывих большого пальца левой ноги. Можно подумать, что какой-то причинный, если бы не его бесшабашность и гиперактивность. Да, с некоторых пор в психологических работах появились эти дивные термины «суперактивный», «гиперактивный», «мегаактивный». Раньше таких слишком шустрых и очень подвижных детей, которые не умеют сидеть или стоять на месте, называли моторными или «с шилом в одном месте». Помните, в «Энеиде» И. П. Котляревского «Эней был паренек моторный, и хлопец, хоть куда казак»? Обычно в классе таких моторных немного – ну, один или два. Мне же достался коллективчик, где таких моторных Энеев (я о парнях) была почти половина. И каждый – личность со своими тараканами в голове, закидонами и прибамбасами.

И вот среди такого количества шустрых деток выделялись такие, у которых с этой подвижностью большой перебор. Вот если Вигуру Сашу можно назвать электровеником, то Броня – форменная электрометла. Представляете, как это способствовало порядку на уроках и дисциплине на переменах? Я больше боялась не того, чтобы они урок сорвали или чего отчебучили в течение учебных сорока пяти минут, а чтобы живыми остались на перемене. Особенно напрягал Скворцов Дима. Вторым его прозвищем после «Броня» было «Двуногая торпеда». Его Диме приклеила учительница физкультуры Клавдия Михайловна.

Среднего роста, с большой головой, которая, казалось, жила отдельной жизнью, вечно потный и с мокрыми волосами, торчащими в разные стороны, – это Дима Скворцов. Его руки и ноги находились в непрерывном движении. На уроках он постоянно вертелся, всех дергал и беспокоил. Замечания всегда пролетали мимо его больших ушей. Когда звенел звонок, Броня непременно первым вылетал из класса, даже если находился далеко от дверей. Куда бежал – не известно, но исчезал быстро. Увидеть Диму на горизонте – это не значило, что он найден. За секунду он стремительно убегал в неизвестном даже ему направлении.

Меня, как молодого педагога, поставили как-то дежурить в столовой. Педагоги со стажем это мероприятие не любили, и я потом поняла почему. На переменах нужно было проследить за порядком и поуправлять дежурными, чтобы вовремя накрыли для младших классов на третьей перемене завтраки. Дежурными оказались в тот день Дима Скворцов и Высоцкая Танечка. Это как лед и пламя, гепард и черепаха. Дежурить в столовой дети любили, потому что на весь день они освобождались от уроков и помогали поварам и буфетчице.

Когда на первой перемене по звонку в столовую рванула половина школы и чуть не снесла прилавки с пирожными, а с ними и орущую буфетчицу Тамару, я поняла, что необходимо что-то делать. Я монголо–татарское иго, мчащееся по степи, точно так и представляла: орет и прет, подминая все, что на пути случается.

Что могла сделать маленькая учительница Соня Константиновна против этой дикой орды? Если бы я стала на дверях, снесли бы и меня, и двери. Но когда я поставила на дверях Агеева и Скворцова, пообещав им по две порции вкусного завтрака (вермишель их мало привлекала, а вот две сосиски – деликатес), парни разогнали голодных учеников и впускали в столовую только группками, по несколько человек. Таким образом, буфетчица Тамара спокойно могла не только продавать пирожные и коврижки, но и без спецэффектов считать и вручать

сдачу. Я имею в виду, что мелочь не летала над прилавком, как чайки над морем. При этом и детям с начальной школы никто не плевал в компот.

Зато мне хватило Брони—дежурного, чтобы больше никогда в жизни не дежурить в столовой. Я согласна была на любую общественную работу, какую завуч и директор вешали на меня, только не столовая!

Танечка начала мыть пол до того, как полностью убрали грязную посуду со столов. А Дима с подносом решил проплыть по свежeweымытой еще влажной поверхности пола. Милая забава, всегда получалась. Но не в этот раз. Дима поскользнулся и упал с четырьмя мисками недоеденного супа прямо перед мойкой, где лежала гора немытой посуды. Диме – ничего, привык к таким приземлениям, правда, весь был в вермишели. Но в мойке – половина тарелок треснутых, надбитых и просто побитых. А в стороне валялся сломанный поднос. Когда посчитали убытки от Диминого дежурства – взялись за головы. Не нужно объяснять, почему Диме запретили даже заходить в столовую, я уже молчу о дежурствах.

А еще был случай, Дима с Андрюшей Зайцевым что—то не поделили, кажется, кто будет первым скатывать домашку у Алины. Дима схватил Алькину тетрадь и убежал. Андрюша погнался за Димой. Когда за кем—то гнался Андрюша (злой – буйный), тому, кто убежал, нужно было ну очень быстро это делать, потому как последствия всегда грозили быть печальными. А тут еще Алина вдогонку крикнула:

– Что-то случится с моей тетрадью, обоим бошки снесу!

Дима как раз бегун был то, что нужно: бегал очень быстро, на районных соревнованиях выступал и был награжден дважды медальками. Дальше все происходило у меня на глазах. С дальнего конца коридора неслись эти двое (первый, как факел, держал в правой руке перед собой тетрадь Алины), снося всех на своем пути без разбору. Если бы математичка Анна Петровна с пачкой тетрадей не отскочила в сторону, уже бы собирала и тетради, и себя. А так она была педагогом со стажем (20 лет—это не шуточки!), поэтому знала, что дешевле себе обойдется отскочить. Одно правильное движение – и ты живая.

В центре коридора стояла опорная бетонная колонна. Дима колонну, конечно же, не заметил – он бежал, оглядываясь назад. Еще бы, всего в нескольких метрах от него несется Андрюша с кулаками наготове. Я просчитала траекторию Димы, но подбежать, чтобы предупредить столкновение, не успела. На полном ходу Дима врезался головой о колонну. Удар! Я закрыла глаза, понимая, что, возможно, парень убился. Но Дима вышел со строя всего на минуту. Он почесал шишку на лбу, увидел, что Андрей приближается, оббежал колонну, и на полном ходу умчался в обратном направлении. Андрюша затормозил у самой колонны и просто офигел от такой наглости одноклассника.

– А кто-то будет умнее или так будете и дальше головы разбивать? – кому я это говорила? Оба мчались уже по ступеням лестницы на второй этаж.

С головой Димы все хорошо, а вот от колонны отпал кусок штукатурки. До конца года все колонны позакрывали деревянными щитами. И правильно – деревяшку заменить легче, чем заново штукатурить и красить колонны, причем ежегодно. Ведь таких Дим по школе бегало с десятков. Бегало регулярно, активно и без устали.

Глава 17 Творчество на заборе

*Мы творили, мы творили,
Ручки, ножки утомили,
Вот, решили рисовать,
Надо ж чем-то удивлять...*

– Ё —пе —ре-се-те! Не, ну вы видели, что они творят? – уже после второго урока в среду меня остановила завуч по воспитательной работе Зинаида Кирилловна и подвела к окнам, которые выходили в середину двора. На внешней стене красовались страшные рисунки с черепами и нацистскими значками, нарисованные какими – то аэрозолями. – Художники, блин, как их там, импрессионисты...

– Это мои? – наивно спросила. Да, мой класс был наиболее оторванным среди всех классов школы. Но часто им приписывали «чужие» заслуги, потому что на моих было легче спихнуть вину.

– Девяносто процентов, что ваши, – категорически заявила Зинаида Кирилловна.

– И что делать? – спрашивала. – Я не знаю, как это вытирается. Да еще и на такой высоте, – рисунки были сделаны где-то на высоте 5—6 метров от фундамента школы. А я уже готовилась к тому, что убирать за моими «детками» придется именно мне.

– Вы еще долго за них все будете делать? – саркастически спросила завуч.

– Мне так проще. На то, чтобы разобраться, пойдет очень много времени. Да и как здесь разберешься? В классе не сдают друг друга, я проверяла. Один за всех, а все творят беспредел дальше...

– Я знаю. Как всегда, Титаренко заправляет парадом. А что будем делать с творчеством на заборе?

– И на заборе? На каком? – не поняла я.

– А вы зайдите во дворик и посмотрите на забор и стену школы. Уголок творчества. Каждый желающий высказывает миру все, что наболело—накипело, – завуч не поленилась, и на следующей перемене сводила меня в школьный задний дворик. Там все стены и забор были зарисованы и исписаны крылатыми фразами. Вот где свобода слова. « Я скоро сдохну от науки, школа – адские муки!» и небольшая смерть с капюшончиком и косой рядышком. Или «Кончай курить и валим все на хату». А как вам «Бомзам не место в нашей школе!». Убила окончательно фраза «Нужна шляха – позвони Танюхе!» и приписан телефончик.

– И что, и это мои? Все? – мои глаза становились все больше и больше прямо пропорционально объему информации, которую я считывала со стен и забора.

– Я вчера собственными глазами видела, как Агеев вырисовывал вон ту розочку, – иронически выговорила завуч. С последним словом «розочку» я посмотрела на цветочек, и в мою голову феей впорхнула свежая идея. В каком—то учебнике педагогики я как-то прочла, что

для того, чтобы ребенок отказался от определенных пакостей, нужно эти пакости легализировать, другими словами разрешить и даже поощрить.

– Скажите, а ведь тот забор не нужен? – живенько спросила я Зинаиду Кирилловну.

– Нет. Рудимент. От стройки остался. Просто некому развалить. Если бы вы со своими архаровцами это сделали, то можно было бы считать инцидент решенным, – пробовала как-то выкрутить ситуацию завуч. Я догадывалась, что, возможно, из-за этого предложения, она и начала этот разговор. Но теперь у меня были другие планы. Моя инициатива полностью ломала планы Зинаиды Кирилловны.

– Прекрасно! А вы не против, если на следующей недельке мы проведем общешкольный конкурс «Творчество на заборе»?

– Что? Зачем? У нас и так этих конкурсов огромная куча, я приказы и отчеты не успеваю печатать, – возмутилась завуч.

– Детям нужно реализоваться. Позвольте это сделать, и им будет не интересно обрисовывать стены. Как известно, запретный плод сладок. А если сделать его не запретным?

– А если увлекутся и всю школу обрисуют? – боялась завуч.

– Не получат приз. Пустим утку, что здесь видеокамеры понатыканы, – нашлась я. Завуч скривилась так, словно она среда, а я пятница.

– Как видеокамеры? Соня Константиновна, вы вроде нормальный педагог, а такое морозите, извините, у детей набралась этих словечек, теперь выскакивают когда надо и когда не стоит.

– Такие. Что вот это за штуки? – я указала на какие-то устройства на углу школы, висящие колокольчиками на уровне второго этажа.

– Раньше здесь флаг крепили. Не думайте, что дети глупые. Они сразу поймут, что им соврали.

– Согласна. Это не очень похоже на камеру. А вы говорили, что у вас в кабинете сломаны две камеры.

– Ну и что? Сломаны же.

– Прикрепить. Привселюдно. Среди бела дня. Чтобы видело как можно больше учеников. Кто не увидит – тому расскажут. Здесь новости быстро разлетаются. А то, что они сломаны, говорить не обязательно.

Завуч посмотрела на меня, как на душевнобольную, сбежавшую с элитного дурдома, но к директору пошла и предложение выдала, правда, как свою идею. Директор как услышал о новом конкурсе, обрадовался, словно малое дитя. Даже немного выделил финансов на краску и кисточки, чтобы закрасить забор белым – фон для будущих рисунков подготовить.

Покрасили забор, разделили на равные части, и каждый класс после уроков «творил», что хотел. Чего только не нарисовали!

– А матюкню можно? – скаля зубы, спрашивал Генка.

– Можно. Но это будет некрасиво и класс не получит баллы, – объяснила я. Больше вопросов не было. С каждым днем рисунков ставало все больше и больше. Некоторые были наивными, некоторые детскими, даже иероглиф кто-то нарисовал. Но в общем – интересно. Было решено такой конкурс каждый год проводить.

Где-то на пятый день от начала конкурса на заборе появился необычный рисунок разломанного пополам сердца со сломанной стрелой, по которой стекали капельки крови. Кто был автор этого рисунка – не известно, из какого класса – тоже не понять. Даже когда именно этот рисунок победил – автор все равно не нашелся, пожелал остаться инкогнито. После оглашения результатов под рисунком появилась надпись «Спасибо!» Эту романтическую историю ученики нашей школы рассказали ученикам других школ города, а там все закрутилось, и в школу даже приехал корреспондент из молодежной газеты. Спустя недельку мы любовались небольшой статьёй о нашем удивительном загадочном художнике.

Глава 18 Педсовет

*Мы – педагоги!
Мы – педагоги!
К ученикам беспощадны и строги!
Трудно им?
Тяжко?
Так им и надо!
Нет им пощады!
Нет им пощады!!!*

(Л. Сирота «Марш педагогов»)

Мой первый педсовет. Еще до этого дня я была наслышана о таком интересном действе, которое надолго задерживало учителей и администрацию школы в актовом зале, как педагогический совет. Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сорок раз услышать.

В понедельник после уроков все учителя медленно собирались в актовом зале, неся с собой, кто что: одни журналы, другие – пачки тетрадей. Готовились основательно, чувствуя, что это стихийное бедствие надолго. Если бы директор разрешил перенести в актовый зал половину подсобок – перенесли бы. А так, взяли только самое необходимое – кучу тетрадей (а че столько времени пропадать будет зазря) и журналы, ведь списки писать тоже когда-то нужно. Расселись по интересам.

Администрация заняла свои почетные места за длинным столом, покрытым красной скатертью, на сцене. К всеобщему удивлению я прошла к одиноко сидящей Жанне Григорьевне и, с ее позволения, присела рядышком. На ее удивленном лице прочла благодарную улыбку. Вот как-то так – теперь две белые вороны вместе.

В начале педсовета директор приветливо представил меня всему коллективу, но, если честно, то меня уже все и так знали, ведь пошел второй месяц учебного процесса. Дальше директор толкнул заранее подготовленную речь о важности этого года и быстро перешел к рабочим моментам, первый из которых был – плачевное состояние журналов.

– Я понимаю, многоуважаемые, что всех нас очень напрягает великое количество писанины, и все заняты, и всем некогда, но журнал есть документ. Когда придет проверка с РОНО, никому не будет дела до того, проводили вы урок или не успели. А вот незаполненные страницы всем вспомнят. И никто не получит премию под Новый год. Вот специально взял два журнала, – и директор открыл журнал 11-А. Я мысленно сжалась, как пружина. В 11 классах я не могла себе позволить отвлечься ни на минуту, иначе ученики бы расслабились и урок превратили в комедию, поэтому часто не успевала заполнить предметную страницу.

– Вот, – директор нашел первого «виновного» и очень радовался, что сразу такая удача. – Три урока не заполнены. И кто так работает? София Константиновна Соломина. Молодой специалист, пока простительно, еще нет достаточного опыта. Жанна Григорьевна, вы теперь на правах наставника, подучите коллегу, – слава Богу, списали на неопытность. Но щеки так горели и жуть, как стыдно было.

– Не переживайте так, я тоже не все успеваю записывать. Сейчас увидите, скольким достанется. Это традиционная раздача слонов, – успокоила меня Жанна Григорьевна. Нужно

сказать, она много приложила усилий, чтобы я органично влилась и в коллектив, и в работу как учителя, так и классного руководителя. Это был первый случай в моей жизни, когда, поработав с человеком совсем немного, я полностью изменила мнение о нем. Прекрасная женщина, просто несчастная и очень одинокая. Все удивились нашей с ней дружбе. Ожидалось, что я сойду с молодыми педагогами, но мне с ними было не интересно: сидели все время в подсобке и всех подряд обсуждали – глупое занятие!

За незаписанные уроки досталось многим.

– А это вопиющее безобразие, – продолжил директор, открыв очередную незаполненную страницу. – Выпускной класс, а с начала учебного года нет ни одной записи. Что делал учитель? Ничего! – оказывается «ничего» касалось самого директора, потому как он вел историю в одиннадцатых классах.

– Ну вот, то совещания, то замены. На документацию и времени нет, – оправдывался директор, а в зале пошел легкий смешок.

Завуч, чтобы замять неловкую ситуацию, быстро переключилась на обсуждение сроков проведения школьных предметных олимпиад и вопросов посещаемости детей. Далее был неинтересный и даже скучный доклад на тему «Мотивация учебной деятельности старшеклассников». Я честно хотела понять за общими фразами, читаемыми Еленой Дмитриевной, что-то полезное, но не вышло. После этого слово взяла учитель химии Альбина Карловна. Ее неудовлетворение не только началом года, но и всей жизнью, читалось прямо на лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.